

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie. . . . .
Preis in Deutschland und 70 Pf. (4 fr.)
sonstigen Ländern . . . . .

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe.
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 3 (383)
17-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр.,
на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.;
для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр.,
на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, г. Broca,
(Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

11 Февраля 1937 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

НОВАЯ МОСКОВСКАЯ БОЙНЯ:

Приговор большевизму.

Р. Абрамович. Ложь московского процесса.

Ф. Адлер. Новый инквизиционный процесс.

В. Александрова. Амальгама общественного возмущения.

«Враги народа».

А. Цилига. Следствие в СССР; как я его видел.

Международные отклики на процесс.

Заграницей: В Латвии.

Из Партии: 70-летие И. Л. Юдина (с фотогр.).

Издания, поступившие в редакцию.

Почтовый ящик.

ПРИГОВОР БОЛЬШЕВИЗМУ

Сталинская диктатура еще раз обогрела свои руки в крови, запятнала себя новым чудовищным преступлением: 13 новых голов пали к ногам палача. И среди них головы людей, игравших первостепенную роль в истории большевистской партии и большевистской революции, — Пятакова, Муралова, Серебрякова...

Радеку и Сокольникову сохранена жизнь. Милость, оказанная двум подсудимым, наиболее тесно связанным с международным политическим миром, ясно говорит о том, что источника ее надо искать в соображениях, а, может быть, и давлениях внешне-политического порядка, и ее уже используют советские и заграничные официозы Сталина, чтобы продемонстрировать милосердие, беспристрастие, добросовестность и независимость сталинского суда. Как бы то ни было, милость эта доказывает, что имеются какие-то соображения и давления, которые могут заставить дрогнуть руку палача. Это — немного. Будем все-же надеяться, что это затруднит и во всяком случае сделает менее кровавыми последующие расправы.

Но не будем самообольщаться. Ведь, Зиновьев и Каменев тоже были сначала «помилваны» к 10-летнему тюремному заключению. А «Известия» уже сейчас (30 января) спешат заявить, что «проклятые и растленные негодяи» нового московского процесса «проторили либеральную тактику Каменева и Зиновьева» и «не сказали всей правды». Предлог для пересмотра их дела

в нужный момент таким образом уже готов. Их жизнь в любую минуту может быть вновь поставлена на карту. Влачить ее они отныне могут лишь как заложники, как рабы, готовые беспрекословно показать и подтвердить любую «правду», какой от них потребуют. И последнее слово Радека уже содержит какой-то загадочный намек на то, что еще «может быть открыто». Как и кем? Это мы, вероятно, скоро узнаем*).

Таким образом для Радека и Сокольниковых путь зашумений, унижений, моральной вивисекции не закончен; быть может, он еще только начинается. Но другими подсудимыми он пройден до конца. И уже вступает на него новая «партия» большевистских смертников: Бухарин, Рыков, Раковский, Угланов. Кто еще? Разве не говорит о чудовищности того, что творится сейчас в Советском Союзе, тот факт, что и телеграфное сообщение об аресте Крупской никому не показалось невероятным, что мысль и воображение заграничных читателей как бы заранее примирились с образом вдовы Ленина, «сознающей» в преступлениях измены, шпионажа, вредительства и униженно припадающей к стопам гениального «вождя народов»? И разве официальное опровержение создало у кого-нибудь уверен-

*) Эти строки не успели пойти в набор, как телеграммы корреспондентов иностранных газет сообщили московские слухи о том, что Р. и С. снова появятся на скамье подсудимых в предстоящем процессе Рыкова-Бухарина.

ность, что опровергаемое сегодня не станет неопровержимым фактом завтра?

**

«Вынесен смертный приговор троцкизму», ликует «Правда» (30 января). Нет, не троцкизму, а большевизму во всех его фракциях, оттенках, разветвлениях и уклонах вынесен этот приговор! Если правда, что виднейшие соратники и ученики Ленина, создатели большевистской партии, чуть не все сплошь члены ее центральных комитетов и политбюро, организаторы и возглавители большевистской революции и международного большевистского движения оказались, в конце концов, злейшими врагами социализма и агентами капитализма в его самой гнусной, фашистской форме; если правда, что военачальники большевистского правительства готовят военный разгром страны, дипломаты его распродают ее оптом и в розницу, министры примышленности и транспорта занимаются разрушением порученных им отраслей хозяйства, официальные истолкователи большевистских идей и большевистской политики лгут, двурушничают, говорят обратное тому, что думают, пишут все, что им прикажут, а в тайниках своей души звериной ненавистью ненавидят рабочих, диктатуру которых на словах защищают; — если все это правда, то чего же стоит, к чему ведет та ленинская, большевистская школа, которую проходили эти «растленные негодяи», многие — в течение десятков лет? И как можно верить тем, ими же воспитанным, преемникам и наследникам их, которые ныне так же изрыгают на них хулу, как изрыгали ее Зиновьев и Каменев на предполагаемых убийц Кирова, так же пляшут на их могилах, как Пятаков и Радек, Бухарин и Раковский плясали на могилах Зиновьева и Каменева, Смирнова и Мрачковскаго?

А если все это или хотя бы значительная доля всего этого неправда? Если для того, чтобы заткнуть рот всякой критике политики всемогущего диктатора, можно на 20-ом году революции так протипотировать суд и «общественное мнение», так надругаться над совестью, честью, своим собственным прошлым, так играть человеческими жизнями? Что сказать тогда о большевизме, сумевшем завести возглавляемую им великую революцию в такую кроваво-грязную трясику и объявляющем высшим воплощением, идеальным представителем своим великого и гениального Сталина?

С какой стороны ни подойти к вопросу, смрадом морального гниения несет не от одного только «троцкизма», а от всего большевизма в целом с его культом «вождей» и «слепого повиновения» ведомых, с его презрением к интеллектуальной свободе и свободе вообще, с его моральным нигилизмом в выборе средств борьбы с врагами и противниками, с ленинской апологией лжи и клеветы, как орудия «внесения смуты» в сознание масс и их натравливания на всех инакомыслящих.

Мы не можем, увы, взять в этом отношении под свою защиту жертв Сталина. Ибо мы не можем забыть, как сами они боролись и расправлялись — даже не с «классовыми врагами», а с противниками своими в социалистическом и коммунистическом лагере. Не можем забыть тех бесчисленных и унижительных «покаяний», от которых сами они потом цинично отрекались. Не можем забыть того, как они сами во взаимной борьбе помогали восхождению всех их душасщего ныне диктатора (не Пятаков-ли провозгласил в свое время формулу: «против Сталина быть нельзя?»). Не можем забыть тех лживых и садистски-жесточких статей, которыми они поочередно сами подталкивали своих вчерашних друзей в вырытую им Сталиным могилу. И не можем

поручиться, что перед нами не пройдут еще в самом близком будущем не менее отвратительные картины.

Но, если мы лишены возможности взять под свою защиту моральную честь жертв сталинского режима, то ничего кроме негодования и презрения нет у нас для «морали» самого этого режима и тех кровавых фарсов, которые он инсценирует под видом судебных процессов.

**

Последний московский процесс был таким-же, а в некоторых отношениях и более инквизиционным и фальсификаторским, чем все предыдущие процессы такого рода. В этом-же номере нашего журнала читатели найдут достаточно доказательств тому. Но надо отметить, что процесс Пятакова-Радека-Сокольников-Муралова был поставлен на более «высоком» уровне, чем процесс Зиновьева-Каменева-Смирнова-Мрачковскаго. Там коммунистические оппозиционеры Сталину избражались в виде шайки безидейных и беспринципных бандитов, у которых нет даже никакой политической программы, которые просто хотят любой ценой дорваться до власти и связанных с нею благ. Здесь, наоборот, центр тяжести был перенесен именно на «политическую платформу».

Это освобождало «сознающихся» подсудимых от обязанности доходить до таких геркулесовых столбов самооплевания, как на предыдущем процессе, и делало по крайней мере по внешности, менее омерзительно всю процедуру судебной траги-комедии. Это делало самое судьбище более понятным и «приемлемым» для посторонних наблюдателей и, особенно, для наблюдателей-иностранцев, располагало их к убеждению, что тут не все сплошь ложь и подтасовка, что за густым дымом процесса есть все-же какой-то огонь. Ведь, на скамье подсудимых сидели политические деятели, оппозиционно настроенные к сталинскому режиму. Что-же удивительного и невероятного в том, что сталинской политике они противопоставляли свою собственную политику, сталинское правительство хотело заменить другим, своим собственным правительством. С точки зрения политика любой страны, в которой существует минимальная свобода политической борьбы удивительным и невероятным было бы, если бы ничего этого не было, если бы «оппозиция» единственно своей задачей считала полную бездеятельность и непрерывные славословия тому, кому она «оппонирует».

Ничего невероятного не было бы в том, если бы сталинскому суду удалось «изобличить» коммунистических оппозиционеров всех оттенков в том, что, однократно угрожаемые тяжелой рукой Сталина, они, забывая о своих разногласиях, попытались сплотиться единый «блок» во имя общей самозащиты; наоборот, странно было бы, если бы эта мысль у коммунистических оппозиционеров не возникала.

Точно так же ничего невероятного не было бы и в том, если бы они пытались создать общую политическую платформу для этого блока и, объявляя политику Сталина губительной для интересов страны, революции и социализма, противопоставляли ей в этой платформе политику отступления на внутреннем экономическом фронте и внешней переориентации; и считая такую политику ошибочной, как считает ее наша партия, можно допустить, что у оппозиционеров могла возникнуть та-же мысль о необходимости временного «усиления капиталистических элементов», которую с таким азотом проповедывал в 1925/26 гг. сам Сталин в борьбе с левою оппозицией, прежде чем, разгромив эту оппозицию, усвоил ее программу индустриализации и раскулачивания, или о неизбежности «компромисса с периластическими разбойниками», на котором Ле

в Брест-Литовскую эпоху настаивал в борьбе с нынешними подсудимыми и который сам Сталин практиковал, отдавая японцам Восточно-Китайскую дорогу.

Ничего фантастического не было бы, наконец, и в том, если бы у запуганных, вынужденных дрожать за свою жизнь, лишенных всякого способа легальной борьбы оппозиционеров прорывались мечтания о насильственном устранении того, кто сам систематически истребляет их; и отвергая террор с такою решительностью, как отвергает его наша партия, можно признать, что бывают режимы и обстоятельства, когда террор становится, как писал Маркс в апреле 1881 года, «исторически неизбежным явлением, о нравственности или безнравственности которого спорить так же бесполезно, как о нравственности или безнравственности Хиосского землетрясения», и которое приходится поэтому оценивать лишь с точки зрения его политической целесообразности.

Во всем этом, повторяем, не было бы ничего невероятного. Но в таком случае мы имели бы перед собою разговоры, планы, мечтания, попытки создания организации, словом «преступление», за которое, конечно, можно судить в стране, где преступлением считается не только всякое свободное слово, но всякое инакомыслие, но которое никак не могло бы оправдать суда и тем более расстрела подсудимых перед лицом не только мирового, но и советского общественного мнения.

Приходится вообще считать в высокой степени сомнительным, чтобы все эти большевистские экс-сановники, бесхребетность и моральная выпрошенная которых так ярко засвидетельствована и их неоднократно «покаяниями», и их собственным поведением на суде, были еще способны к чему либо, кроме бесплодных мечтаний и бескрылых «планов». Никаких же конкретных преступных действий процесс не установил и установить не мог, несмотря на те «документы и свидетельские показания», которыми так хвастает советская пресса, но которых на самом деле — поскольку речь идет о политических фигурах процесса и их определенных, конкретных актах, — вовсе не было. Нельзя же считать таким доказанным актом те разговоры с германскими и японскими дипломатами, которые стали известны лишь из собственных «признаний» Радека и Сокольников и которые, если и имели место, то вряд-ли были чем-либо иным, кроме обычного дипломатического «зондажа», и конечно — с ведома, а то и по прямому поручению Сталина! Еще менее доказанным можно считать участие подсудимых в убийстве Кирова, оплаченном уже чуть не двумя сотнями голов. И уж окончательно фантастическим представляется приписываемое их инициативе покушение на Молотова, при котором согласившийся на самопожертвование шоффер должен был не по просту убить из револьвера своего седока, а почему то — по образу самых захватывающих полицейско-уголовных фильмов — низвергнуться вместе с ним в пропасть.

***

Но и то малое, что могло быть вероятным, становится сомнительным, когда видишь, какую гору лжи нагромождает чекистско-судейское усердие на этом скромном и шатком фундаменте; когда видишь, как почтенные, седоголовые люди, имеющие за собою десятилетия политического стажа и занимающие высокие посты, внезапно превращаются, волей следователя и прокурора, в безвольные пешки в руках демонического злодея Троцкого и его юного, тогда еще безусого сына; когда видишь, как исконные большевики, коммунисты первого призыва, строители советского государства тем-же мановением следовательской и прокурорской руки превращаются в «давних врагов народа», в

злейших ненавистников рабочего класса, в певцов капитализма, в организаторов саботажа и железнодорожных крушений, в друзей Гитлера и Микадо, в агентов иностранных контр-разведок; когда видишь, наконец, как заботливо месится судебная амальгама, в которой политические фигуры оппозиции смешиваются с аполитическими, а то и просто темными личностями, среди которых, весьма возможно, есть и профессиональные шпионы, и наемные «диверсанты», производившие вредительскую работу по заданиям Гестапо или японского генерального штаба.

В море сознательно нагромождаемой лжи тонут крупицы правды, быть может, лежавшие в основе процесса. Зловонный чекистский дым глушит последние искорки подлинного огня. И становится вполне очевидным: задача и смысл процесса заключаются вовсе не в раскрытии действительных или мнимых преступлений обвиняемых. Задача и смысл суда состоит в поистине бессудной расправе со всякой коммунистической оппозицией, в моральном и физическом уничтожении «старого большевизма», которое все больше становится повелительною необходимостью для сталинского единодержавия в его борьбе за самосохранение. И та чисто маниакальная, садистская злоба, с которой именно Троцкому навязывается роль демона-искусителя, сатаны, держащего в своих руках нити всех заговоров, покушений, диверсий, внутренних и внешних политических опасностей, угрожающих сталинскому режиму, свидетельствует лишь о том, какая личная печать лежит на все этой вакханалии истребления, какую неуверенностью, страхом, паникой обят диктатор, как сильно грызут его жажда мести за испытанные в прошлом обиды и ненависть к возможному в будущем сопернику, тем более опасному, что он недосыгает.

Но Ленин недаром предостерегал своих питомцев от вступления на «путь взаимного самоистребления». Вступив на этот путь, приходится идти по нему до конца, и идти с возрастающим ускорением. Свыше полутора лет прошло от расстрела 14 рядовых коммунистов по делу об убийстве Кирова до расстрела Зиновьева, Каменева, Смирнова и Мрачковского. Но только 5 месяцев отделяют процесс Зиновьева-Каменева от процесса Радека-Пятакова. И уже в перспективе лишь каких-нибудь 2-2½ месяцев вырисовывается картина нового процесса — Бухарина, Рыкова и Раковского. Повозки коммунистических смертников начинают двигаться все учащающимся темпом. Когда следующая? И кто будет на той последней, пассажиры которой предстанут перед «судом» будущих Вышинских? Заглянем в историю французской революции. Быть может, там найдем мы ответ...

Новый московский процесс был не только моральным приговором большевизму. Он доказал, что большевизм, как революционно-политическая сила, обречен на смерть в порядке самоистребления. Этот процесс самоистребления может быть замедлен теми или другими давленными. Но, пока единоличная диктатура не будет вынуждена слезть свои позиции, остановлен он быть не может...

***

Но процесс вынес смертный приговор всему большевизму и как идейно-политической системе.

Свыше 11 лет тому назад, сейчас после 14-го съезда ВКП, на котором впервые открыто выступила против Сталина и потерпела поражение объединенная зиновьевско-троцкистская оппозиция (Рыков и Бухарин были еще тогда в числе победителей и триумфаторов!), передовица № 1 «С. В.» за 26 год писала в ответ на утверждение «Правды» (Бухаринской!), что на само-

пожирании коммунистов наша партия строит свои надежды:

Когда «Правда» уверяет, что именно на **таком** ходе ликвидации диктатуры наша партия строит свои «очередные надежды», — она просто лжет. Из взаимоистребления партийных клик на спине политически безмолвствующих народных масс может вырасти лишь та или иная форма **бонапартизма**. Отвечающая интересам пролетариата **демократическая** ликвидация диктатуры может совершиться лишь на основе **политически оформленного движения самих трудящихся классов**. К организации такого движения направлены все усилия нашей партии. И «надежды» наши мы строим не на чем ином, как именно на политическом оформлении рабочего движения, способном вовлечь в общепролетарские ряды и те элементы компартии, которые сохранили классовое пролетарское чутье и социалистический разум, способном побудить их на разрыв партийных проволочных заграждений, заставляющих их безнадежно биться во внутривнутрипартийном тупике...

За все эти годы, подлые таких драматических событий и такой острой борьбы внутри большевизма, наша партия ни разу не отступила с намеченной в этих строках позиции, ни разу не возлагала своих «надежд» на одну из борющихся между собой большевистских клик, ни разу не связала своих упований с победителями или с побежденными в этой борьбе. Она ни разу не соблазнилась расчетами на мнимую возможность придти к демократизации советского режима без масс, помимо масс, за спиной масс — дать массам демократию вместо того, чтобы получить ее из рук масс. И после опубликования новой конституции, ее взоры повернулись не к «творцу» этой конституции, якобы «давшему» демократию, а опять-таки к рабочему классу, от движения которого она только и ожидает превращения этой конституции в орудие подлинной демократизации. В борьбе с диктатурой, все больше превращающейся в единодержавие, наша партия шла, идет и будет идти путем, может быть, самым трудным и самым медленным, но с ее точки зрения единственно ведущим к той цели, которую она себе ставит.

Но за все эти годы — именно потому, что «политическое оформление рабочего движения» пока все еще остается лишь «надеждой», — не нашлось ни одной сколько-нибудь заметной группы коммунистов, способной «на разрыв партийных проволочных заграждений». На это во всяком случае оказались неспособны все «старые большевики»-оппозиционеры без исключения: левые, правые и центристские одинаково. Мысль всех их одинаково оказалась не в состоянии выбиться из порочного круга, в который замыкают ее большевистская идеология «вождизма» и традиции большевистской партийной и политической практики. Все они сами были активными участниками той долголетней внутривнутрипартийной и межфракционной борьбы, в которой для большевизма все средства были хороши для достижения «победы». Все они сами долгие годы были соучастниками террористической диктаторской власти с ее презрением ко всякой свободе, с ее насильственным подавлением всех инакомыслящих, с ее бессудной расправой со всеми политическими противниками, с ее «использованием» масс, как слепого орудия для достижения неведомых этим массам целей, с ее претензией командовать рабочим движением всего мира, не останавливаясь ни перед его дезорганизацией, ни перед его расколом, ни перед поистине катастрофическими политическими последствиями его развала.

***

* И очутившись в оппозиции, «старые большевики» оказались уже неспособны идейно-политически перестроиться и возложить свои «надежды» на то, на что их только и может возлагать социалист-марксист: на великие, глубинные процессы массового и организованного рабочего движения. И начав борьбу против диктату-

ры одной клики, они оказались не в состоянии сами перестать быть кликой. И поднимая знамя демократии — партийной, советской, профсоюзной, производственной, только не той политической демократии, которая, как верно заметила Роза Люксембург, всегда есть прежде всего демократия для «инакомыслящих», — они всегда стремились лишь к тому, чтобы сделать эту «демократию» орудием для свержения диктатуры враждебной им клики, но с тем, чтобы превратить ее в трамплин для восхождения к диктатуре своей собственной клики. Они никогда не хотели, да по своей идейно-политической установке и не могли апеллировать к свободной организационной и политической самостоятельности масс. Политическая борьба всегда оставалась в их представлениях и в их практике борьбой лишь в узком, верхушечном кругу «вождей», и методы ее поэтому всегда упирались в конечном счете в те или иные формы «дворцового переворота», как схемы их международной ориентации неизбежно сводились к более или менее хитроумным дипломатическим комбинациям.

Пусть весь этот «конечный счет» оставался за порогом их сознания или не выходил из сферы «бессмысленных мечтаний». Об'ективно из борьбы клик могла вырасти «лишь та или иная форма бонапартизма». Об'ективно их борьба не могла не иметь столь-же контр-революционных по существу тенденций, как и политика того сталинского режима, против которого они боролись. Вставая лицом к лицу с этими, об'ективно контр-революционными тенденциями своей «верхушечной» оппозиции, старые революционеры-большевики, начиная с самого Троцкого, — и это служит к их чести — неизменно отшатывались от доведения своей борьбы «до конца», останавливались и капитулировали на том пороге, на котором надо было переходить от слов к делу, от разговоров к действиям. Именно поэтому, даже если бы не было тех неопровержимых доказательств, которые дает анализ процесса, можно было бы с уверенностью утверждать, что приписываемый им пораженческий, вредительский, террористический «заговор» есть сплошная и гнусная чекистская ложь. Но именно поэтому отсутствие подлинной веры в свое дело и разъедающая ржа сомнений не могли не парализовать стойкости их сопротивления палаческим методам чекистского «следствия», не могли не сломить окончательно их и без того потрепанного морального мужества в ту трагическую минуту, когда им пришлось со скамьи подсудимых заглянуть смерти в глаза...

Но, когда один из борзописцев «Правды» (27 января) издевается над подсудимыми, заявляя, что у них «нет и не может быть ни душевной цельности, ни нравственной силы», то он попадает не в бровь, а в глаз не столько им, сколько своему господину и повелителю. Ибо, если из борьбы побежденных клик не могло вырасти ничего кроме «бонапартизма», то тем более ничего другого не может вырасти из победы той сталинской клики, которая истребляет оппозиционеров. Если идейно-политическая установка неизбежно толкает их в русло контр-революции, то сталинское единодержавие, поскольку ему удастся закрепиться, прямо контр-революцию подготавливает. Если к оппозиции льнут, помимо ее воли, авантюристы и темные элементы, то тот привилегированный слой, который Сталин любовно взращивает и на который он опирается, прямо кишит «использователями революции», хищниками и рвачами, готовыми продать любую «победителю».

И если бы в результате борьбы клик окончательно восторжествовало сталинское единодержавие и те тенденции, носителем которых оно все больше становится, то итогом такого развития оказалось бы упрочение не социалистического, а государственно-капиталистиче-

ского строя и, вероятно, все большее расширение сферы и частично-капиталистического хозяйства, а может быть, и радикальная внешне-политическая переориентация. Осуществилось бы то самое, что ныне приписывают сваленным в одну «троцкистскую» кучу коммунистическим оппозиционерам и за что их расстреливают: Сталин не в первый раз выполнил бы программу тех, кого он предварительно объявляет «врагами народа». Страна получила бы, быть может, гражданский «кодекс Наполеона», но от демократии и социализма была бы отброшена назад на всю ту дистанцию, которая отделяет ее от стран фашизма...

*
**

Пока политическая борьба не выходит за пределы борьбы верхушечных клик за власть, и победа над Сталиным, и победа Сталина ничего кроме контр-революционных результатов дать не могут. *Большевизм, вопреки своему первородному греху, мог играть и играл положительную историческую роль, пока его несли волны массовой революционной стихии. Выполнив свою историческую задачу, он с каждым днем все больше превращается в гниющий труп, который рабочему классу надо убрать с дороги, чтобы двинуться вперед на новой, революцией созданной почве. Смертный приговор большевизму, как моральной силе, как фактору и идеологии пролетарской революции, — вот основной смысл только что прошедшего перед нами процесса. Поворот организован

Р. АБРАМОВИЧ.

Ложь московского процесса

От непрерывного повторения клеветы и новых 17 «чистосердечных покаяний» и признаний кое-что остается. Нашлись, к сожалению, даже серьезные политические деятели, как П. Н. Милуков, которые, — правда, по довольно прозрачным политическим соображениям, — соглашаются принять всерьез официальную версию о наличии заговора со всеми его атрибутами: интервенцией, шпионажем, государственной изменой, террором и т. д.*).

Нельзя не пожалеть об этом. Общественное мнение мира не должно поддаваться гипнозу Вышинских и Ульрихов. Не гоже честным людям — хотя бы и для самых благих целей — превращаться как бы в моральных гарантов сталинского кривосудия. Нельзя позволить, чтобы суд был подменен политической пропагандой, или, вернее, чтобы политическая пропаганда выдавалась за установленное беспристрастным судом право.

Почему мировая совесть, почему общественное мнение самых широких слоев мировой демократии и пролетариата смущены и возмущены московским процессом? Не только потому, что там выносятся и приводятся в исполнение смертные казни — в меньшевистском процессе смертных казней не было, и тем не менее и меньшевистский процесс был возмутительным преступлением. Не только потому, что производится расправа над старыми революционерами, хотя и этот элемент, конеч-

ному, свободному, самодеятельному движению рабочего класса — вот основной вывод, который должны сделать из этого процесса все социалисты.

Понять этот смысл и сделать этот вывод, повидимому, уже неспособны «старые большевики». Этим они сами обрекают себя на трагическую, но бесславную гибель. Но, защищая со всей страстью эти жертвы бессудной расправы, протестуя против палачества, позорящего революцию и социализм и ускоряющего приход контр-революции через «сталинские» двери, мы не теряем надежды на то, что недоступное уже «старым большевикам» окажется доступным той молодой коммунистической поросли, которая только вступает в политическую жизнь и, связанная с трудящимися массами, сохраняет в себе «классовое пролетарское чутье» и накапливает «социалистический разум».

Если беспощадная расправа Сталина со «старыми большевиками» заставит эту молодежь задуматься, начисто отказаться от растраты своих сил на более или менее террористические мечтания и решительно «повернуться лицом» к своему классу, влиться в «общепролетарские ряды», как их наиболее активная и преданная фаланга, — тогда и новое чудовищное преступление сталинского единодержавия не пройдет для него бесследно и безнаказанно; тогда и позорные московские процессы послужат исходной точкой для начала не мнимой, а подлинной борьбы за триединое знамя революции, демократии и социализма!

но, играет немалую роль. Больше всего волнует и возмущает всех честных людей в мире подозрение, переходящее в уверенность, что осужденные не повинны в тех преступлениях, коотрые им приписываются и в которых они непонятным образом сознаются; что суд социалистической и революционной страны оказывается судебной комедией, где подделываются и фальсифицируются и состав преступления, и доказательства, где неизвестными нам методами заставляют самих обвиняемых, идущих на смерть, участвовать в этой кровавой и позорной комедии.

И в этом ничего не может изменить то соображение, что все те отдельные элементы, из которых построено обвинение против оппозиционных коммунистов, по всей вероятности действительно существуют где-то в советской действительности. Весьма возможно и даже почти наверное в кругах оппозиционных коммунистов велись разговоры на все те темы, о которых говорилось в признаниях подсудимых: рядили и судили о перспективах развития, о возможной или неизбежной экономической катастрофе; жаловались на роковую роль Сталина в революции; спорили о вероятности или неизбежности войны и обсуждали ее возможный исход и последствия для Советского Союза. Весьма возможно и даже почти наверное в известных кругах советского общества (в частности, в среде крестьянства), и в среде оппозиционных коммунистов имеются пораженческие настроения. С другой стороны, совершенно несомненно, что где-то в советском союзе должны быть и иностранные шпионы, и вредители, и саботажники, — предающиеся этому делу по самым различным мотивам. Наконец, можно быть почти уверенным (такого рода сведения, проскальзывали уже не раз в письмах и корреспонденциях, напечатанных и в «С. В.»), что среди оппозиционно - настроенной молодежи имеются и ра-

*) Курьезно, что и Е. Кускова — в полемических целях — поддалась искушению принять за чистую монету «вышинские» передержки. Совершенно естественно, что для Вышинского «крятинская программа» является «реставрацией капитализма»: для него ведь всякое отступление от Сталинизма является «контр-революцией» и «капитализмом». И совершенно естественно — на московских процессах — что несчастный обвиняемый эту характеристику Вышинского подтверждал. Но у Кусковой должен бы быть более критический подход к такого рода заявлениям.

стут террористические тенденции, неизбежно возникающие повсюду, где у населения отнята хотя-бы минимальная возможность свободного волеизъявления.

Повторяем: все те отдельные элементы, из которых построен обвинительный акт, где-то в советской природе несомненно существуют, — по крайней мере, как тенденции и настроения. Но поскольку речь идет о процессах, нас интересуют не социологические анализы, а лишь вопрос — действительно ли данная группа обвиняемых являла собою заговорщический центр, — преступную организацию, которая занималась подготовкой интервенции, организацией саботажа и вредительства, шпионажем, практическим пораженчеством и террористическими покушениями на руководителей советского правительства? Вот вопрос, единственный вопрос, который интересует мир, когда речь идет о судебном процессе.

Ведь и во времена Дрейфуса во Франции были налицо все те отдельные элементы, из которых был составлен обвинительный акт против капитана Альфреда Дрейфуса: и деятельность немецкой разведки, и готовность некоторых офицеров французского генерального штаба служить ей и т. п. Но разве Жорес, а с ним и вся левая общественность Франции и всего мира удовлетворилась тогда «социологической» констатацией, что так как обвинение само по себе правдоподобно, то не все ли равно, был ли действительным немецким шпионом капитан Дрейфус или майор Эстергази. Взволнованная совесть протестовала против осуждения — но политическим мотивам — заведомо невинного человека. Вопрос о капитане Дрейфусе стал вопросом о сущности режима, проблемой торжества права и справедливости над не-правосудием и фальсификацией.

Этот вопрос о режиме, который построен на лжи и фальсификации, является по существу центральной проблемой и по отношению ко всем Московским процессам.

**

Итак: доказана ли была на суде вина подсудимых? Какова степень юридической обоснованности выдвинутых против них обвинений?

Процесс 17-ти по всей своей структуре являет собой разительное сходство с предыдущими политическими процессами, в особенности с процессом «14-ти меньшевиков» 1931 г. Во-первых, по формулировке обвинения: стремление к реставрации капитализма и власти капиталистов; связь с иностранными государствами в целях организации вооруженной интервенции; организация саботажа и вредительства; связь с иностранным шпионажем; получение денег из иностранных источников или капиталистических кругов; в процессах коммунистической оппозиции сюда прибавляется еще организация террористических актов. Затем, по характеру доказательств: в каждом из этих процессов отсутствуют фактически какие-бы то ни было документальные доказательства и свидетельские показания. Документы и письма, которые цитируются на суде, никогда в натуре не фигурируют, а восстанавливаются только по воспоминаниям подсудимых; независимые посторонние свидетели на суде никогда не заслушиваются; все обвинение фактически строится на признаниях и самообвинениях обвиняемых. Как мы уже не раз указывали, если-бы обвиняемые и в процессе 14-ти, и в процессах 16-ти и 17-ти, сговорились все отрицать, то нельзя было бы против них найти ни одной в е щ е с т в е н н о й у л и к и. Остановимся на этом пункте, с юридической точки зрения имеющем кардинальное значение, несколько подробнее.

На меньшевистском процессе очень большую роль играли письма нашей З. Д., содержавшие якобы

прямые директивы об организации саботажа, интервенции и т. п. Одно из таких писем цитировал на память Суханов, причем краткое изложение его занимает полтора печатных столбца. Второе такое письмо (специально об интервенции) огласил на суде Рубин, опять-таки по памяти, и изложение содержания этого письма занимает в протоколах 2 печатных столбца. Кроме того, само это пресловутое «Союзное Бюро» якобы выпустило за 1928-30 гг. целых пять циркулярных писем. Излишне говорить, что на суде не оказалось ни одного экземпляра ни одного из этих писем, и что все эти «документы» принадлежали к области чистейших измышлений.

Единственные действительные документы, которые были представлены суду, и подлинность которых никем не оспаривалась, были 2-3 коротеньких письма нашей З. Д. к Икову, единственному из 14-ти, который действительно был с нами связан. Но эти записочки не содержали ровно никакого материала, который имел бы хотя бы малейшее отношение к пунктам обвинения.

Сопоставим с этим картину процесса 17-ти. Группа оппозиционеров — коммунистов обвиняется в том, что они образовали «параллельный троцкистский центр» в определенном составе.

Центр этот, как и Союзное Бюро меньшевиков, действовал не по собственному разуму, а направлялся из-за границы указаниями Троцкого и его сына Седова, которые к тому времени свою тактику коренным образом изменили (полная параллель с переменной тактики меньшевиками) причем перешли на союз с немецким фашизмом (соглашение между Троцким и Гессом), пораженчество, интервенцию, вредительство и т. п.

Как и в процессе меньшевиков, эти новые инструкции, которым послушно подчинялись, не будучи с ними согласны, такие люди, как Радек, Пятаков, Сокольников и др., — передавались в Россию частью путем личных свиданий приезжавших из России агентов с заграничными главарями (Троцкий, Седов), так и путем писем, которые эти главари пересылали через разных лиц в Россию. Таких писем Троцкий переслал будто бы в течение 1931-33 гг. целых 5 (через Владимира Ромма). Кроме того, Радек получил от Троцкого одно письмо в апреле 1934, другое в декабре 1935 г. Это последнее письмо, на «английской тонкой бумаге», имело 8 страниц и содержало, по словам Радека, подробную мотивировку необходимости реставрации капитализма в России. Помимо того, в декабре 1931 года Седов переслал через обвиняемого Шестова заделанные в ботинки письма к Муралову и Пятакову.

Ни одно из этих писем не было представлено суду, и обвиняемые троцкисты цитировали их со всеми деталями «на память», совершенно так же, как «наши» письма цитировались Сухановым и Рубиным.

С другой стороны, Троцкий категорически отрицает факт посылки писем или инструкций Радеку, Пятакову и другим обвиняемым. «Я никогда не видался с Шестовым, — заявляет Троцкий и поддерживает Седов, — я никогда не имел никаких сношений с Владимиром Роммом». «Из 17-ти обвиняемых я лично знал только 7, но и с ними я не имел больше никакой связи с тех пор как покинул Советский Союз в 1929 году».

Если-бы не было меньшевистского процесса, можно было бы еще сомневаться, кому поверить: самоговору обвиняемых или категорическим заявлениям Троцкого.

Но на меньшевистском процессе 1931 года обвиняемые Берлацкий, Петунин и Юровский совершенно так же, как в нынешнем процессе Шестов, Пятаков и Ромм рассказывали на суде, с большим обилием деталей, о своих встречах в 1925, 1927 и 1928 гг. в Берлине с Даном, Абрамовичем и другими представителями нашей

З. Д. И тем не менее, все эти «признания» были чистыми измышлениями обвиняемых, как измышлением были те письма, которые будто бы были переданы (через профессора Леотьева) Юровскому для Шера и Громена *).

Какие же основания имеются сейчас верить показаниям обвиняемых в процессе 17-ти? Сюда надо прибавить еще явную неправдоподобность предположения, что такой опытный конспиратор и революционер, как Троцкий, рискнет доверить бумаге столь «деликатные» инструкции, как организация иностранной интервенции в Советском Союзе.

Но, — скажут нам, — если этих писем Троцкого на суде не было представлено и существование их ничем не доказано, то в деле все же фигурировали какие-то другие документы. Как отмечают корреспонденты иностранных газет, Вышинский на этот раз с особой демонстративностью подчеркивал наличие «документальных доказательств». И после оглашения каждого такого документального доказательства, генеральный прокурор СССР победоносно оглядывал корреспондентские скамьи.

На самом же деле, насколько можно судить по отчетам в «Правде», приведенные Вышинским «документы» ровно ничего не доказывают. Среди вещественных доказательств, которые фигурировали на суде и о подлинности которых мы не можем иметь никакого мнения, были какие-то фото-снимки, фото-копии и записные книжки, о содержании которых в «Правде» говорится только очень глухо. Но эти действительные документы касаются только одного пункта — связи обвиняемых Строилова и Шестова — с 4-мя немецкими инженерами, работавшими в России. Строилов и Шестов опознают этих инженеров (Вюстера, Берга, Флесса и Шебесто) на различных фотографиях, и указанные ими адреса и номера телефонов этих инженеров в Берлине и в Москве совпадают с полицейскими справками и с телефонными книгами. Но Строилов и Шестов прожили по официальным командировкам довольно продолжительное время в Берлине. В Москве они по долгу службы находились в связи с иностранными спецами. Факт их знакомства с 4-мя немецкими спецами и точное знание их адресов само по себе ровно ничего не доказывает. Для того, чтобы придти к тем выводам, к которым пришлось обвинение, надо было доказать еще: 1) что названные немецкие спецы действительно были агентами немецкой контр-разведки; 2) что Строилов и Шестов об этом были осведомлены и связь с ними поддерживали именно с преступными, шпионскими намерениями; 3) что Строилов и Шестов занимались этой преступной деятельностью для политических целей троцкистской оппозиции; 4) что вожди этой оппозиции, в частности Троцкий, об этой деятельности Строилова и Шестова были осведомлены, ее одобряли и принимали. Ни один из этих четырех пунктов на суде не был документально установлен: относительно них имеются только самооговоры Строилова и Шестова. Но какое значение имеют эти показания, если Строилов и Шестов действительно были агентами немецкого и японского шпионажа (мы о них никогда не слышали и ничего о них не знаем)? Какую моральную и юридическую

*) Надо к этому прибавить два интересных сопоставления, в корне подрывающих доверие к показаниям Ромма: 1) Ромм уверял на суде, что он встретился с Седовым в Париже в конце 1932 г. Однако Седов, как точно установлено на основании его визы и др. документов, приехал в Париж только в марте 1933 г. 2) Ромм далее утверждал на суде, что имел свидание с Троцким (отцом) в Булонском лесу в августе 1933 г. Однако, точно установлено (за каждым шагом его ведь неотступно следили французские власти), что Троцкий приехал в Париж только в декабре 1934 г.

цену имеют показания продажных шпионов, неизвестно для чего и неизвестно с какими побуждениями оговаривающих других обвиняемых?

**

Для проверки правдивости самооговоров и признаний обвиняемых может послужить характерная история с поездкой Пятакова в Осло.

Как подробно рассказал на суде Пятаков, он при помощи агента, державшего в Берлине связь между троцкистами и Гестапо, в декабре 1935 г. на специальном аэроплане с подложным германским паспортом, а следовательно и с помощью германского правительства, полетел из Берлина в Осло на свидание с Троцким. Многочасовая беседа с Троцким сыграла, по словам Пятакова, решающую роль в переориентации троцкистской оппозиции в сторону контр-революционно - пораженческой и интервенционистской тактики.

Стремясь придать этому сенсационному факту документальный характер, Вышинский эффектно огласил на суде официальную справку консульского отдела Наркоминдела, что, по удостоверению норвежских властей, аэродром в Хеллере около Осло «в состоянии принимать и отправлять аэропланы в зимние месяцы». Но этому «документально» доказанному факту противостоят не только категорические опровержения Троцкого, его секретаря Эрвина Вольфа, его домохозяина в Осло Кнудсена и редактора «Дейли Геральд» Юэра, но и — что гораздо важнее и является решающим — официальная справка администрации и гражданского аэродрома в Хеллере и военного аэродрома в Осло, что никакой аэроплан в декабре 1935 года не прилетал из Берлина туда (само собой разумеется, что прилет каждого иностранного аэроплана, да и еще не обыкновенного почтового, а специального, тщательно регистрируется на каждом аэродроме мира) *).

Итак, несмотря на «документальные доказательства», что аэродром в Хеллере способен в зимние месяцы принимать и отправлять аэропланы, никакой германский аэроплан этой «документально» засвидетельствованной способностью хеллерского аэродрома не воспользовался в инкриминируемое время. Следовательно, можно считать неопровержимо установленным, что рассказ Пятакова о его поездке в Осло и о его свидании с Троцким является ч и с т ы м в ы м ы с л о м.

Тут опять полный параллелизм с поездкой Абрамовича в Москву в 1928 году (опять-таки с «немецким паспортом»), о которой с такой обстоятельностью и с таким большим количеством деталей рассказывали на меньшевистском процессе целых шесть обвиняемых, но которой, — как весь мир теперь уже знает, — на самом деле не было. И с какой-то курьезной фатальностью эпизод с измышленной поездкой повторился и в августовском процессе Зиновьева, Каменева и др. Там подсудимый Гольцман рассказал на суде о своей поездке в Копенгаген, где он встретился в гостинице Бристоль с Седовым, который его будто бы отвел к отцу — Троцкому. Как всем теперь известно, в Копенгагене нет никакой гостиницы Бристоль, да и Седов, как точно установлено, никогда не был в Копенгагене, — ни в указанный Гольцманом срок, ни до, ни после этого.

Итак: не существует ни одного документального до-

*) «Правда» пытается выехать на том, что германская печать, перепечатывая эту официальную справку норвежской администрации, говорит о декабре 1936, а не о декабре 1935 года, и торжествующе вопит о фальсификации. Поистине «в доме повешенного не следовало бы говорить о веревке». Мы не видели немецких газет, но во всей европейской печати, в том числе и французской, норвежское опровержение говорит именно о декабре 1935, а не о декабре 1936. То-есть как раз о той дате, которая указана на суде Пятаковым.

казательства или стороннего свидетельства, которое подтверждало бы данные обвинения или самооговоры обвиняемых. С другой стороны — имеется налицо непреложный факт, что одно и очень важное показание одного из главных обвиняемых (повествование Пятакова о его встрече с Троцким в Осло) является чистейшим измышлением. Вот баланс юридического анализа вещественных доказательств.

**

К тому же результату приводит, — особенно в свете меньшевистского процесса и августовского процесса 16-ти, — анализ основных пунктов обвинения с точки зрения их внутренней обоснованности и правдоподобности *).

А. Заговор. В стране, как Советская Россия, живущей при режиме диктатуры, никакой успешный дворцовый заговор, да еще связанный, как утверждает обвинительный акт, со ставкой на войну, военное поражение и расчленение Советского Союза, немислим без участия в нем особо влиятельных представителей армии. Где же те красные маршалы или генералы, которые участвовали в заговоре, образованном якобы наркомом, послами, членами Политбюро, членами ЦК коммунистической партии, начальниками жел. дорог, директорами крупнейших промышленных комбинатов и т. п.? Среди обвиняемых не было ни одного военного. Это обстоятельство уже само по себе делает мало правдоподобной версию о серьезном заговоре. Или же надо предположить, что эти военные (не только в лице второстепенного Путьны) имеются, но только Сталин не решается (или не смеет?) их привести на суд? Или, может быть, дело вообще обстоит так, что, подозревая наличность заговора в таких кругах, по отношению к которым они бессильны или которых они не в состоянии уловить, Сталин и Ежов ударяют по более доступным, хотя и ни в чем неповинным Радекам и Пятаковым для того, чтобы запугать действительных заговорщиков?!

Б. Вредительство. Обвиняемые с каким-то нарочитым пинизмом и бахвальством сознаются в организации бесконечного числа вредительских покушений, актов саботажа, взрывов и ж.-д. катастроф. Но ведь совершенно ясно, что ни заместитель наркомпути (Лившиц), ни начальник южных жел. дорог (Князев), ни председатель химической промышленности, ни директора и председатели крупнейших комбинатов и промышленных предприятий, ни тем менее Радек или Сокольников не могли сами заниматься организацией подобного рода актов. Они могли только отдавать распоряжения другим, рядовым членам конспиративной организации. В виду того, что акты вредительства, по признаниям обвиняемых, исчислялись сотнями, а если говорить о ж.-д. крушениях, то и тысячами (3.500), то выполнение этого плана было невозможно без активного соучастия многих тысяч заговорщиков и исполнителей *). Но может ли кто-нибудь, кто хоть сколько-нибудь знаком с об-

щим состоянием советской России в последние годы, допустить хоть на минуту, что подобного рода разветвленная массовая конспиративная организация могла бы не только что безнаказанно существовать в течение месяцев и годов, но даже просто возникнуть? Эта мысль до такой степени невероятна и смехотворна, что тут никого не могут поколебать самые «чисто-сердечные» признания обвиняемых. Вспомним, что ведь и в процессе меньшевиков почти все обвиняемые-хозяйственники (Гинцбург, Шер, Волков, Соколовский, Швейцер, Петунин и др.) признались в организации вредительства в ВСНХ, Госбанке, Госплане, в Центросоюзе, в Наркомторге и Наркомснабе и т. д. Однако, мы знаем, что все эти самооговоры были сплошным вздором и чистейшим вымыслом.

Ряд обвиняемых в процессе 17-ти указали даже сумму денег, которая им была выплачена за вредительские акты. И эта деталь может показаться убедительной. Но вспомним опять-таки показания Шера и Петунина на процессе меньшевиков: они точно указали, что получили из-заграницы и от русских капиталистов равным счетом 480.000 рублей, причем на стр. 38 официального стенографического протокола меньшевистского процесса читатели найдут детальную таблицу сумм, полученных и истраченных на вредительство различными меньшевистскими ячейками. Но ведь все знают теперь, что ни этих сумм, ни этих ячеек не было на свете, и что несуществовавшее «Союзное бюро» ни от кого никаких денег не получало и не тратило.

Не более убедительными являются показания обвиняемых в процессе 17-ти: тут и размеры сумм и их распределение являются просто смехотворными по сравнению с теми задачами, которые троцкистская оппозиция себе якобы ставила, и с тем риском, на который эти люди шли.

В. Покушения. В процессе 17-ти, как и в августовском процессе 16-ти много места уделяется тем покушениям против вождей советского правительства, которые будто бы подготовлялись троцкистами. Говоря вообще, представляется весьма вероятным, что в рядах оппозиционных коммунистов растут террористические настроения. Мы на это указывали уже выше. Но надо сознаться, что в том виде, в каком эти покушения представляются по показаниям обвиняемых в обоих троцкистских процессах, террористические акты этих «центров» предстают в чрезвычайно неправдоподобном и даже смехотворном виде. Если бы люди, как Бакаев, бывш. председатель ленинградской ЧК, человек великолепно знакомый с полицейской и военной техникой, или Мрачковский, Муралов, Смирнов и др. — действительно захотели заняться серьезной организацией террористических актов, то при современном состоянии техники они нашли бы бесконечно более совершенные и реальные методы террористических покушений нежели те поистине детские приемы, к которым, по их словам прибегали Лурье и Берман-Юрин в августовском процессе, или Арнольд в последнем процессе 17-ти. Читая показания обвиняемых по вопросу о терроре, нельзя отделаться от представления, что, если террористические настроения и имелись и, может быть, где-нибудь террористические покушения и подготовлялись, то во всяком случае не теми, которые в этом признавались на обоих процессах...

**

Переходя от этих детальных пунктов к той общей концепции интервенционистско-заговорщического плана, о котором на процессе говорили и Радек, и Сокольников и другие обвиняемые, приходится указать, что и она носит на себе совершенно явные и неизгладимые

*) Мы оставляем в стороне более общий вопрос о том, можно ли себе представить, чтобы Троцкий, Радек, Пятаков, Муралов, Сокольников и др. действительно носились с планами о расчленении России, реставрации капитализма и т. д., и вступали для этой цели в союз с Гитлером и Японией. Вопреки тому, что думает Милуков, мы эту возможность категорически отрицаем. Вспомним, помимо всего прочего, что и меньшевиков обвиняли в том, что они вкуче с Соц. Интернационалом, под эгидой Гильфердинга, Брейтшайда, Леона Блюма и Вандервельде готовили интервенцию в Россию.

*) По сообщению «Дейли Телеграф» на суде было установлено, согласно данным Кагановича, что в 1935 г. в СССР произошло 60.000 несчастных случаев на жел. дор., т. е. по одному каждые 5 минут!

черты фантастики, вымысла и лжи. Убедительные и яркие, внутренне — правдоподобные в тех частях, которые касаются политических настроений коммунистической оппозиции в годы коллективизации и т. п., — показания обвиняемых немедленно начинают звучать фальшиво, становятся неубедительными, стереотипными, как бы дословно списанными с популярных брошюр по политграмоте, когда переходят к характеристике своих «преступных планов». Тут явно и несомненно чувствуется «социальный заказ», тут явно и несомненно (как это было и в процессе меньшевиков) люди действуют и говорят по соглашению с прокурором, поставляя заказанный материал для его обвинительной речи и формулы для пропаганды «Правды».

Ф. АДЛЕР.

Новый инквизиционный процесс

«Если это безумие, то в безумии этом есть система».

Люди стали скромны. Облегченно вздыхают: четвертым подсудимым московского процесса сохранена жизнь, их «только» заточают на 10 лет в тюрьму. «Только» 13 подсудимых расстреляны и разделили судьбу 16 расстрелянных в августе.

Тогда, после процесса Зиновьева, мы писали: «такие процессы не должны более повторяться, — это должны наконец понять повелители Москвы». Они этого не поняли. Процесс против Пятакова, Радека и др. они провели в таком же точно порядке, как и предыдущие процессы, и возвещают, что в ближайшем будущем предстанут новые процессы против Бухарина, Рыкова, Раковского и других. Неужели-же в Москве действительно не могут понять, какой бесконечный вред наносится Советскому Союзу такими методами судопроизводства? Неужели там не понимают, что таким путем никого не убедить, никого нельзя убедить в вине подсудимых — за исключением тех, кому вменяется в партийную обязанность одобрять все, что делает Сталин?

Втечение недели Москва рассказывала нам о тягчайших обвинениях, какие только можно вообразить. Подсудимые признавались во всевозможных преступлениях против своей собственной страны, против Советского Союза. Заместитель народного комиссара тяжелой промышленности Пятаков сознался, что целые годы планомерно давал распоряжения о выполнении в подведомственных ему предприятиях актов саботажа, которые удивительным образом неизменно удавались, а его прямой начальник, нарком Орджоникидзе ничего этого не замечал. Серебряков, один из самых ответственных чиновников железнодорожного ведомства, сознался, что организовывал планомерно и в самом широком масштабе железнодорожные крушения. Главный официоз правительственных «Известий», Карл Радек, неустанно печатавший статьи в защиту Сталинской политики, и заместитель комиссара иностранных дел Сокольников сознались, что втайне конспирировали в это самое время с представителями Германии и Японии, чтобы подготовить иностранную интервенцию и военное поражение Советского Союза. И все это и многое другое делалось, как все «сознались», по категорическому и прямому поручению Троцкого, главная цель которого заключается в восстановлении капитализма в Советском Союзе!

Все, что подсудимые выложили, обвиняя самих себя и донося на других, представляется столь чудовищным, что нормальному европейцу приходится отчаяться что-либо тут понять. Но кто знаком с московскими

Чудовищно и трагично, что эти «добровольные» сотрудники Вышинского в награду за оказанные ими Сталину услуги отправляются на расстрел. Но это ничего не меняет в самом факте: процесс 17-ти, как и процессы меньшевиков и 16-ти является грубой фальсификацией, позорной и кровавой судебной комедией, в которой, — как мы писали еще в августе, — «крупница политической истины потоплена в море лжи и подлогов».

Советская печать усиленно пытается присвоить Сталину почетное звание «отца народов». Не правильнее ли будет назвать его, истинного организатора судебных комедий, «отцом лжи»?!

процессами, тот имеет в высшей степени простой путь: водить сквозь эту дремучую чашу: все, что произошло за последнюю январскую неделю в московском суде, уже имело однажды место в Москве в точно таких формах, с точно такими же обвинениями, с точно таким же распределением ролей — 6 лет тому назад. Единственное различие заключается в кое-каких именах. То, что приписывается сейчас «троцкизму», тогда взваливалось на «меньшевизм». Кто захочет перелистать теперь обвинительный акт, судебные прения и приговор 1931 года, тот с возрастающим удивлением будет констатировать, что уже тогда имелось налицо все, что повергает мир в изумление в нынешнем процессе против Троцкого. Было бы соблазнительно сопоставить цитаты из обоих судебных отчетов и дать таким образом доказательство этому утверждению во всех деталях. За недостатком места нам приходится отказаться от этого и ограничиться цитатой из «Правды» от 27 февраля 1931 года, резюмирующей тогдашний обвинительный акт:

«Показания подсудимых, среди которых имеются виднейшие члены меньшевистской партии, связанные с ней десятки лет, как Шер, Иков, Гинзбург и др., неопровержимо доказывают, что партия меньшевиков, точнее — остатки этой партии, превратились в ничем не брезгающую в своей контр-революционной борьбе против рабочего класса наемную агентуру французского империализма, в прямого союзника беглых фабрикантов, заводчиков, спекулянтов, кулаков и всей белогвардейщины».

«Но эти показания устанавливают также, что вредительская, интервенционистская деятельность меньшевиков в СССР полностью поддерживалась II Интернационалом, и в первую очередь германской социалдемократией».

«Установка на кровавое подавление пролетарской революции в СССР, уже достраиваемом фундаменте социалистической экономики, на оккупацию Советской страны, на расхищение ее международными хищниками, на возвращение капиталистов, а вместе с ними и помещиков, на десятки лет белогвардейского террора для рабочих и трудящихся СССР, на лужкие пытки и методы расправы над коммунистами и передовыми борцами рабочего класса — такова была фактическая установка меньшевиков и стоящего за их спиной II Интернационала».

Тогда, в 1931 году это нас, представителей Рабочего Социалистического Интернационала, и в том числе далеко не на последнем месте Леона Блюма и Эмиля Вандервельде, названных в ходе процесса по именам, обвиняли в том, что мы стремимся к «кровавому подавлению пролетарской революции в СССР... к оккупации Советской страны, к ее расхищению международными хищниками, к возвращению капиталистов и помещиков». Мы помним во всех подробностях ту жалкую клеветническую кампанию, которая велась против нас

во время тогдашнего меньшевистского процесса. Понятно, почему с величайшим скептицизмом относимся мы к дословно тем же самым обвинениям, когда они выдвигаются теперь в Москве против Троцкого.

Режиссерам этих процессов не хватает оригинальности. В 1937 году во всех деталях повторяется то, что было в 1931 году. Тогда московское «Союзное Бюро» получило якобы «директивное письмо» от Абрамовича, в котором требовалась «установка на вредительство и интервенцию». Теперь Радек сознается, что получил «директивное письмо» от Троцкого. Тогда суд, разумеется, не видел директивного письма, оставшегося неразъясненным; точно так же и теперь оно «сожжено» Радеком уже два года тому назад. Но и теперь, как и тогда, подсудимые излагают содержание писем, а Радек умудряется даже в точности цитировать целые страницы из письма, уничтоженного два года тому назад. Тогдашнего письма вообще не существовало, и потому весьма вероятно, что и Троцкий, как он сам заявляет, Радеку не писал. Теперь, как и тогда, была создана «амальгама» из подсудимых, не имеющих между собою ничего общего. Теперь, как и тогда, главная задача заключается в оклеветании и дискредитировании отсутствующих. Тогда речь шла о Заграничной Делегации меньшевиков и Рабочем Социалистическом Интернационале, теперь — о Троцком, нашедшем убежище в Мексике.

Что Советский Союз всеми силами и со всею суровостью защищается против предателей, шпионов, агентов фашистских держав, — это поймет всякий. Но что невыносимо и все снова и снова вызывает возмущение, так это тот факт, что политическая юстиция Советского Союза оставляет широкое поле для всяческих сомнений насчет действительной виновности осужденных и что то и дело осуждению и казни подвергаются люди, заведомо не виновные.

Английский адвокат Дэдди Коллард дал московскому корреспонденту «Дэйли Геральд» опубликованное 29 января интервью, в котором он энергично защищает московский процесс во всех отношениях. Вся коммунистическая пресса ссылается на г. Колларда, как на социалистического свидетеля в пользу московского судопроизводства, и это вынуждает нас констатировать следующее.

В своем интервью г. Коллард изображает себя совершенно непредвзятым наблюдателем и в частности говорит:

«Я наблюдаю за процессом непредубежденно и изучаю его скорее с юридической, чем с политической точки зрения. Обладая общими знаниями по советскому законодательству и судопроизводству и посещая часто народные суды, я **впервые присутствую на политическом процессе**».

Мы же со своей стороны имеем все причины самым серьезным образом усумниться в непредвзятости г. Колларда. Дело в том, что еще 26 августа секретариат РСИ и МФПС получили из Москвы телеграммы, под которыми стояла подпись г. Колларда и которые высказывали самые определенные суждения об августовском процессе против Зиновьева. Эти телеграммы начинались так:

«Мы, нижеподписавшиеся члены английской и американской адвокатуры, пребывающие ныне в Москве и пристально следящие за процессом против Зиновьева, Каменева и др., с возмущением протестуем против телеграммы президентов и секретарей РСИ и МФПС...»

Зная тогдашнюю телеграмму, мы знаем цену и свидетельским показаниям г. Колларда. Он уверяет, что об «инсценировке» процесса не может быть и речи. После его августовских и нынешних высказываний сомнений насчет его роли у нас быть не может.

Мы ограничимся поэтому лишь тем, что воспользуемся одним из утверждений г. Колларда, чтобы еще раз иллюстрировать ту главную проблему, которая встает в связи с этими московскими процессами. Он говорит, что «советское судопроизводство по форме схоже с судопроизводством большинства континентальных стран, но существенно отличается от английского». Как бы велики ни были недостатки континентального судопроизводства, мы вынуждены взять его под защиту от этого сравнения с советскими политическими процессами. Основное различие в данном случае — это различие между схоластическим методом дедукции, господствовавшим на протяжении всего средневековья, и методом индукции, из которого исходит современная наука. Судебное следствие везде ставит себе задачей открыть действительные факты; в Советском Союзе же оно не прочь и выдумать подходящие факты. Поскольку речь идет о «фактах», имеюших место в пределах Советского Союза, подлинности этих «фактов», как бы они зачастую ни казались невероятными, по большей части ни доказать, ни опровергнуть невозможно. Зато характерная судьба постигает те немногие «факты», которые переносятся за границу. Эти «факты» неизменно оказываются грубой выдумкой и неизменно строятся по одной и той же схеме. В каждом таком процессе фигурирует в качестве главного доказательства какая-либо «поездка». В меньшевистском процессе 1931 года то была поездка Абрамовича из Берлина в Москву. В Зиновьевском августовском процессе 1936 года — поездка сына Троцкого из Берлина в Копенгаген. В последнем процессе — поездка Пятакова из Берлина в Осло. Замечательно то, что ни одна из этих трех поездок в действительности не имела места. Во всех трех случаях то была чистейшая выдумка ГПУ, но выдумка глупая, потому что неизменно можно было неопровержимо доказать, что это выдумка.

Порок московских политических процессов заключается в том, что они сводятся к схоластическому диспуту о правильности какого-либо тезиса. Пока подсудимых заставляют лишь сознаваться в приверженности к так или иначе теоретически определяемому фашизму и т. п., все идет как по маслу. Но лишь только вступают в сферу фактов, лишь только речь заходит об отелях, аэропланах и тому подобных реальных вещах, начинаются «несчастные случаи».

Пока повелители Москвы будут практиковать такие методы судопроизводства и не перейдут к системе и зыскания истины, до тех пор недоверие к ним будет неистребимым и неодолимым.

Советский Союз только выиграет, если его политические процессы будут вестись по принципам правовых гарантий. Будем надеяться, что это когда-нибудь поймут наконец в Москве.

НОВАЯ КНИГА :

Otto Bauer

Zwischen zwei Weltkriegen ?

(Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Sozialismus)

355 стр. Цена 20 франков

Заказы направлять в контору «Социалист. Вестника»

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Амальгама общественного возмущения

Много оплошностей в режиссуре процесса «параллельного центра» устранено по сравнению с августовской расправой над «объединенным центром» троцкистов и зиновьевцев. Исправлена, в частности, механика подачи писательских откликов: систематическое «отставание литературы от жизни» на сей раз ликвидировано.

В «Литературной газете», посвященной последнему процессу, помещены, кроме коллективных заявлений писателей, еще 34 индивидуальных отклика, требующие беспощадной расправы с «торговцами кровью» и «бездной, международной сволочью». Среди их авторов — имена и тех, кому удалось отмолчаться в трагические дни августа прошлого года...

«Вот они: хилые, лысые, в очках — адъютанты Троцкого, главари «параллельного центра». Вот он — Радек, по очереди с девятисотых годов покидавший и предававший рабочую Польшу, Германию, бродивший по Средней Европе, безродный и вредный, и пойманный, наконец, в СССР», — издевается над подсудимыми писатель Вишневецкий, с особым смаком вспоминая, как он на 1-ом съезде писателей дал Радеку «по зубам» за его выступление. У воспоминания, как и у страха, «глаза велики». Вишневецкий забыл одну маленькую деталь: в 1934 году при всех своих оппозиционных грехах Радек был еще силой, а специальность Вишневецкого, как и многих других — быть только лежачим.

Алексей Толстой — тот просто заговорил языком царских манифестов, обращаясь ко всем, в ком «живо высокое чувство любви к родине» и кто «хочет, чтобы солнце освещало его мирный труд».

«Когда-то давно у Пятакова, Радека, Сокольников и других двуногих хищников были свои человеческие имена — Юрий, Карл, Григорий. Теперь — Шакал Пятаков, Шакал Радек, Шакал Сокольников по имени родоначальника своего, отвратительного матерого зверя контр-революции Шакала Троцкого, рыщущего и воющего в густых лесах гитлеровского фашизма» — распаляет свое немощное вдохновение сомнительной Майнридовщиной Ленинградский писатель Казаков.

«Сколько фальшивых славословий позволял себе этот предатель (Радек) — гнуснейший из гнусных — и припадал поцелуем своих растрепанных губ гулящей девки», — пишет, умалчивая из пиетета к кому «припадал», — публицист Лежнев.

«Так и проходят они перед судом, люди без единого народного корня, без роду, без племени, отщепенцы, годные только на то, чтобы унаваживать дорогу для капитализма», — сокрушается Фадеев, когда-то с таким блеском показавший в своих произведениях заразительный революционный пафос пришлых людей, «без роду и племени», разбудивших сонные окраины великой страны. И т. д. Густо, сверх всякой нормы заселились столбцы литературских откликов «Иудами», «Смердяковыми», «плешивыми грибами», «гадами», «навозными жуками».

Можно, конечно, утешаться тем, что подавляющее большинство этих позорных высказываний написано по гласному или негласному заказу. Об этом прежде и больше всего говорит язык этих откликов. Ни один из них не озарен подлинным чувством негодования, возмущения или тревоги. Но опасно видеть в этих высказываниях только ложь, клевету и ругань; еще опаснее поддаться законному чувству возмущения по поводу морального маразма. Как и сам процесс и все отчеты о

нем, так и эти писательские «стихийные» высказывания — продукт амальгамы. Ложь, клевета и подлость не нуждаются в расшифровке, разоблачению подлежит в этой амальгаме скрытая в ней политическая мысль.

Наряду с монопольной коммунистической печатью с самого начала советского режима и часто наперекор ему живет в стране свободная и неуловимая молва-невидимка. С ней нередко с пеной у рта сражаются официальные публицисты. Сама она никогда не вступает в открытую полемику с властями предержавшими: живет по многовековой традиции молвы в стране, лишенной свободы; живет и упорно множится. Это она, эта молва, наперекор официальной печати окружила ореолом мученичества Кройштадтских матросов, она же, до разъяснений печати, поставила штемпель «отступления» на нэпе, она сигнализировала опасность разгрома крестьянства в «год великого перелома».

И сейчас, не зная на простыни официальных отчетов о втором процессе троцкистов, будто бы занимавшихся шпионажем, диверсиями, спускавших под откос целые поезда с красноармейцами, носившихся с идеей реставрации частного капитализма — перекатывается по стране неуловимая, живучая молва, что под личиной этих процессов на самом деле происходит организованная ликвидация всего большевизма, и будит в советском обществе самые смешанные чувства.

В них, несомненно, очень большое место занимает чувство подавленности и угнетенности перед лицом этой новой волны террора, чувство неуверенности в своем завтрашнем дне. Но наряду с этими чувствами и на верхах советского общества живет уже новое, еще пугливое, не доверяющее себе: да, террор сегодня еще может прихватить и кого-нибудь из нас, но основной своей лавиной он направлен уже не против нас, а против «тех», кто поставлял идеологию Октября.

Отсюда в высказываниях писателей, обслуживающих преимущественно эти верхи советского общества и к ним принадлежащих, и появилось новое политическое чувство, активно-жестокое и мстительное: страну надо очистить «от чужеродного сора», тогда только и возможно будет зажить спокойно. Именно это новое мстительное чувство бессознательно и отыскало в словаре французских термидорианцев ходкое тогда клеймо «чужеродный», «бездной» и т. п., которым так густо пересыпаны сейчас писательские отклики на процесс. С этими активно-термидорианскими настроениями и должны вести сейчас самую беспощадную борьбу все живые силы советской демократии...

«ВРАГИ НАРОДА».

Процесс за процессом. Круг «шпионов», «диверсантов», «террористов», «предателей» все расширяется. Преступления их, оказывается, далеко уходят корнями в прошлое. Еще десять-двадцать лет назад люди эти вступили на путь «измены», еще на заре революции они творили свое черное дело.

Кто же они, эти «враги народа»?

В июле-августе 1917 года состоялся шестой съезд большевистской партии. Съезд избрал ЦК в составе 21 члена. Из них 7 давно умерли; из остальных 14 шестеро ушли от активной политической деятельности и просто превратились в чиновников (может быть, кое-кто из них за это время незаметно умер). Остальные 8 это семь «контр-революционеров» (Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Смилга, Сокольников, Троцкий) и Сталин.

Март 1918 г. 7-ой съезд партии. 15-тичленный ЦК. Шестеро

давно умерли; 2 перешли в состояние политического небытия; остальные 7 это шесть «контр-революционеров» (Бухарин, Зиновьев, Смилга, Сокольников, Троцкий, Шмидт) и — Сталин.

Март 1919 г. 8-ой съезд компартии. 19-тичленный ЦК. Трое давно умерли. Трое умерли политически. Из остальных 13 одиннадцать «контр-революционеров» (Бухарин, Белобородов, Евдокимов, Зиновьев, Каменев, Радек, Раковский, Серебряков, Смилга, Томский, Троцкий) и Сталин с Калининским (успевшим как-то во время замести «контр-революционные» следы).

Март-апрель 1920 года. 9-ый съезд компартии. Опять 19-тичленный ЦК. Двое давно умерли; двое вне политики; из остальных 14 одиннадцать «контр-революционеров» (Бухарин, Зиновьев, Каменев, Преображенский, Радек, Раковский, Рыков, Серебряков, И. Н. Смирнов, Томский, Троцкий) и Сталин с Калининским и Андреевым.

Это перечисление можно было бы продолжить. Но нужно ли это? Прибавлю лишь немного.

А. ЦИЛИГА.

Следствие в СССР, как я его видел

(К психологии бюрократической юстиции).

Я был арестован 21-го мая 1930 года, ночью. В тюрьму повезли меня на легковой машине. Эта «привилегия» объясняется тем, что я тогда жил в Ленинграде во дворце, в котором размещена была вся партийная верхушка с Кировым во главе и появление закрытой тюремной машины «Черного Ворона» перед «Партийным Домом» слишком бросилось бы в глаза. Все, что довелось мне видеть в России, создало во мне убеждение, что основное **тактическое** правило бюрократической юстиции: все издевательства над человеком, ложь и насилие — все разрешено, но все должно совершаться незаметно, без «скандала», внешняя видимость должна быть соблюдена.

По дороге к тюрьме легковая машина прихватила и еще одного пассажира: моего товарища, югославского рабочего Дедича, жившего по соседству со мной.

На третью ночь моего тюремного пребывания меня вызвали к следователю. Это тоже общее правило у ГПУ: вызывать заключенных на допрос **ночью**; оно как-то страшнее, да и человек со сна менее собран, менее способен к отпору. Психология — любимая наука гештатур.

Меня привели в кабинет следователя. Им оказался тот самый чиновник, который руководил обыском у меня в комнате.

— Вы знаете почему вас арестовали? Нет, не знаете? Ну, а что вы предполагаете? — были его первые вопросы. Несколько позже я прочитал в тюрьме исследование об испанской инквизиции и к моему немалому удивлению узнал, что это были и первые классические вопросы следователей инквизиции...

Причина ареста мне была известна. Это была моя связь с русской троцкистской оппозицией, которая в то время была уже запрета и деятельность которой могла быть только подпольной. Но я не хотел в этом сознаваться следователю, пока ГПУ со своей стороны не предъявит мне доказательства о том, что ему это известно. Кроме того, меня интересовал еще вопрос о том, каким путем ГПУ получило сведения об этой моей связи.

Так как я отказывался говорить о том, что интересовало ГПУ, оно мне действительно вскоре предъявило имевшиеся у него доказательства. Из них я убедился в том, какие страшные размеры приняла в России **провокация**. Лицо, державшее связь между нашей группой и Московским оппозиционным центром, как и лицо, ведущее в качестве представителя этого центра переговоры с нашей группой, оказались провокаторами. Провокаторами оказались и некоторые лица из нашего окружения. Короче говоря: маленькая группа из десяти верных товарищей была окружена и на каждом шагу контролировалась десятком секретными агентами ГПУ...

Отрицать дальше свою причастность к оппозиции не имело больше смысла. Я ее признал. Мне предложено было тогда ответить письменно на 2 вопроса: 1) Каковы мои политические взгляды и 2) в чем заключалась моя подпольная оппозиционная деятельность? На первый вопрос я ответил с исчерпывающей полнотой. На второй вопрос отказался отвечать вообще, так как это было бы равносильно предательству моих товарищей.

Заявление мое пошло в Москву, которая и должна была решить вопрос о моей дальнейшей судьбе.

7-ой съезд партии (1918 г.) избрал комиссию для выработки новой партийной программы. Она состояла, кроме Ленина, из шести членов: Сталина и пяти «контр-революционеров»: Бухарина, Зиновьева, Троцкого, В. Смирнова и Сокольников.

И, наконец, уже после смерти Ленина 13-ый съезд компартии (в мае 1924 г.) избрал 53-членный ЦК, а этот свое 7-ми-членное политбюро. Кто же входил в его состав? Сталин и 6 «врагов народа»: Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Томский, Троцкий.

С. Ш.

От редакции. — Прибавим, что со дня основания Коминтерна и вплоть до 1930 года **все** основные доклады на его конгрессах были прочитаны, **все** основные резолюции и воззвания были составлены 5 лицами: Лениным и 4 «врагами народа»: Троцким, Зиновьевым, Радеком и Бухариным.

Тюремные дни шли своей чередой. Но вскоре мне пришлось пережить нечто, что было бы совершенно немислимо в Западной Европе и что в России относится к событиям самым обыденным, «нормальным». Следователь вызвал меня как-то к себе и предложил мне **отказаться от оппозиции**, осудить оппозиционную деятельность и обещал за это освободить меня. «Помилуйте, — возразил я, — как я могу это сделать, я ведь знал о том, что вы преследуете оппозиционную деятельность, а теперь, когда мне приходится нести последствия за эту деятельность, вы предлагаете мне ее осудить и такой ценой купить свою свободу. Да это было бы нечестно и я сам бы после этого перестал бы себя уважать, да и вы должны были бы меня презирать». — «Да что вы, Антон Антонович, — возражал следователь, — отказаться от своих ошибок не бесчестно. Мало-ли человек мог погорячиться, а потом, когда увидел, куда это все ведет, он отступает».

Поразительно было в России то, что ни ГПУ, ни партийные органы не требовали в то политически далекое время 1929-30 гг. действительной перемены взглядов, а удовлетворялись **заявлением** о перемене их, а в частном порядке они даже соглашались в те времена, что «кое в чем» оппозиция была, мол, даже права; с тем большей непримиримостью они требовали, чтобы в официальных заявлениях было сказано совершенно иное, а именно: что «партия», т. е. большинство, было на все 100% право, а оппозиция на те же 100% неправа. Это требовалось «во имя сохранения и укрепления **авторитета партии**». Это обстоятельство имеет величайшее значение для понимания всей механики общественной и партийной жизни в России. Русские коммунисты насквозь проникнуты, точнее, заражены этой теорией двух истин: одной, настоящей, истины, так сказать, для посвященных, для узкого круга руководителей, и другой — **истины-лжи**, для непосвященных, для всей огромной массы народа.

В своем дальнейшем развитии эта философия двух истин привела к проникновению ложью всей общественной жизни, до лицемерных и живых заявлений и «признаний» и до чудовищных «показательно-воспитательных» процессов.

Когда через пару месяцев моего пребывания в тюрьме, я встретился здесь с моим товарищем Дедичем, я и от него услышал рассказ о предложении следователя, аналогичном тому, которое было сделано и мне. Следователь сообщил ему то, что ГПУ знало от провокатора: что Дедич в последнее время не состоял в нашей группе, и обещал ему освобождение, если он «чистосердечно» расскажет о связях группы (чего провокатор и, следовательно, ГПУ не знали!). Когда Дедич отказался выдать еще не пойманных товарищей, следователь пошел на «уступки»: он обещал ему освобождение, если тот подпишет заявление, что считает работу группы **контр-революционной**, а меня и другого нашего товарища-югослава Драгича — контр-революционерами. На это Дедич ответил следователю, как того и следовало ожидать: что независимо от отдельных его расхождений с нами, он нас считает своими товарищами и честными революционерами и отказывается дальше вести разговор о предложенном заявлении. После этого судьба Дедича была решена и окончательно соединилась с нашей.

Как видно из приведенных случаев, приемы следствия в отношении коммунистов шли по линии их морального и политического разложения. Их пытались уговорить предать своих-же товарищей, стать доносчиками, а если они на это не

пли, их пытались уговорить стать ренегатами. За одно публичное осуждение своих товарищей и идей давали освобождение и в придачу к нему — работу и карьеру...

Но коммунистов тогда еще не вынуждали давать **ложных показаний** о себе и других и не применяли к ним **пыток**. Но то и другое уже тогда применялось к не-коммунистам. Это делалось на моих глазах. Мой энергичный протест против этого остался, конечно, без результатов.

Но неужели пытки и ложные показания, столь позорящие революцию, применяются в Советской России? Неужели они применяются систематически? До того, как я попал в тюрьму, я не только сам сомневался в этом, а считал, что все подобные утверждения — злостная клевета на Россию, даже на Сталинскую Россию. И в первое же время моей сидки, когда я сидел в камере на двоих, произошел со мною следующий случай:

Однажды вечером мой сосед по камере насторожился. «В чем дело? — Разве вы не слышите приглушенного шума?» — ответил он мне. Действительно, с конца коридора доносились какие-то заглушенные звуки. «Так в чем же дело? — недоумевал я. «Это кого-то пытаются!» — Я возмутился: «Ну, знаете, если за-границей верят всяким мелкобуржуазным сказкам, распространяемым против ГПУ, так это еще куда ни шло, но верить в такие рассказы здесь, в России — позор! Что же вы думаете, ГПУ это царская охранка? Конечно, если нужно, ГПУ и убивает, уничтожает, но оно не мучает, не пытает». — Сосед мой посмотрел на меня странно-потерянным взором, недоумевая, что ему делать со мной. Потом сказал: «Ну, желаю вам еще долго посидеть в ГПУ, тогда вы сами увидите, что такое ГПУ. Вы, иностранные коммунисты, действительно ничего не знаете. Если бы мне все это сказал русский коммунист я бы просто перестал с ним разговаривать»...

Когда я из маленькой камеры был переведен в «свободную» часть тюрьмы, где можно было вращаться сразу среди 400-500 заключенных, перед моими глазами постепенно стала открываться подлинная действительность. Один коридор этой «свободной» части состоял из 5-6 больших и страшно переполненных камер. В камере, в которую попал я, было в среднем 90-100 человек, хотя она и рассчитана была только на 23 заключенных. В камере Дедича было 65, хотя нормально в ней должно было сидеть 14 человек. Все камеры одного коридора выходили на прогулку вместе.

Многочисленное население коридора было очень пестро по своему социальному составу. Все области страны, все классы и социальные группы были в ней представлены. Тюрьма была в то время переполнена инженерами и всякими другими «вредителями». Недовольные рабочие, моряки, коммунисты-оппозиционеры сидели рядом со спекулянтами и священниками.

Среди инженеров имелись и сознавшиеся во **вредительстве**. Это было как раз время громких процессов о вредительстве. Медленно, с большим трудом удавалось узнать историю их дел, историю их сознания во вредительстве. «Меня держали 5 месяцев в одиночке, — рассказывал один из таких «сознавшихся», — без газет, без чтения, без курева, без передач, без свиданий с семьей; я голодал, мучился одиночеством; от меня требовали признания во вредительстве, которого не было, я отказывался принимать на себя преступления, которых не совершал, но мне говорили: если я действительно за советскую власть, как я это утверждаю, я должен это доказать на деле — советской власти нужны мои признания... За последствие я не должен бояться: советская власть учтет мое чистосердечное признание и даст мне возможность работать и работой заглаживать свой грех. Я сразу же получу свидание с семьей, передачи, прогулку, газеты. Если же я буду упорствовать и от малчищаться, меня подвергнут беспощадной расправе и не только я, но и моя жена и дети будут подвергнуты репрессиям... Месяцами я не сдавался, но потом стало так невыносимо, что, казалось — хуже все равно ничего не может быть; мне, во всяком случае, все стало безразлично. И я подписал все, что требовал следователь»...

После того как этот инженер «сознался», ГПУ действительно дало ему все, что обещало. Этим ГПУ подкупало людей не менее, чем террором, заставляло их идти на ложные показания. Но в моральном отношении этот инженер был очень подавлен своим поведением и ходил по камере, как потерянный. Аналогичный **моральный кризис** переживали многие из спасавшихся ложными показаниями о вредительстве. Иногда этот моральный кризис находил свой выход в трагическом самоубийстве, но это уже другая тема, тема о последствиях...

Я не хочу, однако, утверждать, что среди инженеров не было отдельных шпионов, не имели места отдельные акты вредительства, но той широкой, всеохватывающей сети вредительства, которая вырисовывалась из показательных процессов, в действительности конечно не было. Впрочем, знан-

менитый профессор Рамзин сразу же после процесса был освобожден и возобновил свои лекции в Институте.

Просидевши многие месяцы бок о бок с этими инженерами-«вредителями», мне стало ясно, что речь идет не о честном, хотя бы и беспощадном терроре, а о каком-то насквозь грязном и шантажистском терроре...

Из остальных заключенных ленинградской тюрьмы особенно шокировала меня судьба группы, сидевшей из-за **золота**. Тогда по всей России шли аресты людей, подозревавшихся в том, что они имеют золото, золотые изделия или ценности. С ними поступали следующим образом. При обысках, конечно, ночных, агенты ГПУ забирали все ценности, найденные в квартире, начиная с серебряных ложек и кончая золотой монетой и предметами искусства. Хозяев этих вещей забирали в тюрьму независимо от исхода обыска и требовали от них сдачи в пользу государства утаенного золота и ценностей для строительства пятилетки. Само по себе требование целесообразное, но какими способами оно осуществлялось!

В коридоре следователей, перед их кабинетами стояли группами эти люди. Их держали там **целыми днями без пищи, без сна**, чтобы таким путем заставить сдать скрываемое золото. Будучи вызван к следователю, я сам видел эти группы людей. Молодой зубной врач, сидевший вместе со мной в камере, простоял так перед кабинетом следователя двое суток. За эти двое суток его цветущее, краснощекое лицо стало черным, как земля. Был случай, когда один из таких людей, стоявших в коридоре, сошел с ума: «Смотрите, кровь!» — кричал он иступленно, указывая куда-то в конец коридора. Но ГПУ и в этом его состоянии продержало еще 24 часа в коридоре, чтобы его присутствием «смягчить» упорствующих.

Позже в Сибири я встретил людей, большей частью стариков и старух, которые перенесли по 10-20 суток в неоплаченных камерах и при нарочно открытых окнах и страшном сибирском холоде, которых морили голодом и не давали воды, чтобы добиться от них предполагаемого у них золота.

Самым возмутительным во всем этом казалась мне самая процедура передачи таким способом добытого золота: сдававшие золото и другие ценности, должны были подписать заявление: — сдаю добровольно в фонд социалистической индустриализации такую-то сумму. — Кроме того, все арестованные, подвергшиеся подобным пыткам, при освобождении из тюрьмы подписывали обязательство, что нигде и никогда не будут рассказывать о том, что с ними было и что они видели в тюрьме.

Применение пыток я видел не только по отношению к этим «золотникам». Я был свидетелем и того, как ГПУ подвергало заключенных **конвейерному допросу** по 16-24 часа. При этой системе заключенный подвергается непрерывному допросу, причем один следователь сменяется другим, уставший — свежим или несколько следователей допрашивают заключенного одновременно. Такие допросы не обходились и без дополнительного издевательства и расстройств нервов заключенных. Сидевший со мной в камере сектант вернулся после такого многочасового конвейерного допроса. Человек он был и без того слабый и больной, но после этого допроса на нем вообще не было лица. Он набросился на оставленный ему обед, разулся и свалился мешком на койку, которую ему кто-то уступил вне очереди. Но не пролежал он и десяти минут, как раздался стук в дверь и надзиратель вызвал его на новый допрос к следователю...

То, что мне пришлось здесь увидеть, было для меня страшным ударом. До этого я никогда не думал, что подобные вещи творятся и могут твориться в Советской России. Я был лучшего мнения о ГПУ. Теперь я мог убедиться в том, что вырождение советской, когда-то революционной, власти зашло гораздо дальше, чем я предполагал. Всем этим я был настолько возмущен, настолько подавлен, что, воспользовавшись первым случаем, когда меня вызвали на допрос к следователю, выразил ему свой протест по поводу всех этих ужасов, пыток, лживых обвинений и не менее лживых «признаний». «Что вы делаете, — сказал я в возмущении, — мы вас за-границей защищаем, а вы здесь творите такие вещи, в которые я никогда бы не поверил, если бы не увидел их собственными глазами! Вы компрометируете и революцию, и социализм, вы таким образом делаете то, что крестьянство, городская мелкая буржуазия и беспартийная интеллигенция станут смертельными врагами социализма и революции». Следователь не мог, конечно, отрицать фактов, которые совершались и на его глазах. Он объяснял и оправдывал эту практику так: «К вам, ведь, мы этого не применяем и вообще не применяем этого к революционерам, а **против мелкой буржуазии** приходится применять, не надо забывать, что страна находится в периоде острейшей классовой борьбы». Как бы ни была остра классовая борьба — в моей голове не укладывалось, что социалистическая и пролетарская власть может усваивать такие подлые и лживые методы борьбы.

Но вот Московский процесс показал, что гнусные, бесче-

стные приемы, применявшиеся сначала против некоммунистической партии. Впрочем, я уже тогда мог убедиться в том, что эти инквизиционные методы и пытки применяются не только к классово-чуждым людям, но и к рабочим.

В нашу камеру привели из одиночного заключения первого корпуса с самой строгой изоляцией — моряка. Это был молодой, статный человек. Пока он сидел в одиночной камере, ГПУ добивалось у него признания в несуществующем участии в несуществующем заговоре против Сталина. Добивалось ГПУ этого очень упорно, с применением инквизиционных приемов. Его несколько раз вызывали вечером из камеры, говорили, что ведут на расстрел за его преступное упорство, выводили на двор, приставляли к стенке, а потом — снова возвращали в камеру: «Ты все-же рабочий, мы не хотим тебя расстрелять, как какого-нибудь белогвардейца. Как рабочий ты и должен честно сознаться». Моряк все-же не «сознавался», но от этих пыток он наполовину сошел с ума; тогда его оставили в покое. Самое важное в этой истории то, что все это случилось не после убийства Кирова в 1934 году, а задолго до того — в 1930 году. В истории этого моряка было еще одно обстоятельство, на которое я тогда не обратил внимания, но которое сейчас, после трех Зиновьевских процессов, приобретает зловещее значение: моряка обвиняли в принадлежности к троцкистской оппозиции и добивались соответствующего признания. В действительности это был совершенно аполитичный рабочий. Участвуя в заграничном плавании на советских пароходах, он хорошо зарабатывал, прирабатывая к тому же контрабандой, что и явилось на деле его единственным преступлением.

При вызове из камеры заключенному никогда не говорят зачем его вызывают, ГПУ этим самым уже владеет средством для терроризирования заключенного. Кроме того, ГПУ

пользуется этим иногда, чтобы вселить в заключенного страх, что его уже ведут на расстрел. Для этого заключенного ведут вниз, по подвальному корридору, по дороге стража обменивается разными двусмысленными фразами относительно судьбы заключенного и т. д.

В начале 1931 года в Москве состоялся так называемый «Меньшевистский процесс». Его цель была показать трудящимся России, что социалисты не менее чем и беспартийная интеллигенция уголовные преступники, предатели страны. Ряд видных бывших меньшевиков и один настоящий меньшевик «признались» в этом процессе, что они усвоили программу вредительства и интервенционистской войны против Советской России. Они «признали», что это не только программа русской социалдемократии, но и других социалистических партий II-го Интернационала. Абсурдность этого была очевидна. Но весь процесс прошел под знаком этой абсурдности. Если в процессах инженеров «вредителей» большинство обвинений были ложны, то обвинения и самообвинения в «меньшевистском процессе» были ложны на все 100 процентов. В этом отношении этот процесс явился генеральной репетицией будущего процесса против Зиновьева и товарищей.

Поскольку для этого процесса ГПУ не смогло «обрабатывать» настоящих троцкистов, оно использовало бывших, ушедших уже 5-6-7 лет из троцкистской оппозиции и сидевших уже 3-4 года в тюрьме. Механизм их обработки и инсценировка всего процесса были подготовлены опытом предыдущих процессов, приемами и средствами, которые в России широко применялись уже ряд лет.

От редакции. — Мы печатаем статью, доставленную нам тов. Цилигой, как интересный материал для понимания механики чекистского «следствия».

Международные отклики на процесс

К процессу Пятакова-Радека-Сокольников буржуазная печать всего мира отнеслась, несомненно, с большим вниманием и большей серьезностью, чем к процессу Зиновьева-Каменера, который был для нее чем-то вроде уголовно-политического романа, по своей кошмарной «достоешине» понятного «европейцу» лишь в аспекте «славянской души». Отчеты о нем были для буржуазной прессы вряд-ли чем-либо иным, как одною из разновидностей того «занимательного» и терзающего нервы чтения, которое она дает читателям в своих фельетонах и которое так содействует росту подписки. Со всем другим — ее отношение к процессу Радека-Сокольников-Пятакова. К этому процессу она подошла с серьезным политическим интересом. Сталинская печать радуется этому вниманию. Она с торжеством отмечает всякое замечание иностранного корреспондента, всякий отклик иностранной буржуазной печати, в котором видит хотя бы намек на признание обоснованности предъявленных подсудимым обвинений, хотя бы искру веры в действительное существование разветвленного «пораженческого» заговора, за который обрушилась на них карающая десница сталинского «правосудия».

Сталинская печать и все сталинские прихлебатели в Советском Союзе и за границей в этом случае поистине «не ведают, что творят».

Внимание и интерес буржуазной печати всего мира к процессу есть внимание и интерес, прежде всего, внешне-политического порядка. Процесс стал козырем в напряженной дипломатической и политической игре против создания «анти-фашистского блока», консолидации которого составляет жизненный интерес всей мировой демократии, мирового социализма и самого Советского Союза, но которого именно поэтому не хотят все силы мировой реакции и все враги Советского Союза, видящие в нем возможный оплот социалистически-пролетарской победы над фашизмом.

В ближайшие недели и месяцы должна определиться окончательно та позиция, которую займут Англия и Соединенные Штаты по отношению к той складывающейся мировой фашистской системе, которая возглавляется Гитлеровской Германией и союзной ей Японией. В этой обстановке истинным подарком для всех сторонников стовора с фашизмом, изоляции Советского Союза и превращения его в объект, за счет которого можно удовлетворить волчий аппетит Гитлеровской Германии и милитаристской Японии, является то огульное доказательство политической неустойчивости, военной и хозяйственной слабости Советского Союза, которое постаралась дать сама сталинская диктатура все новыми и новыми арестами своих публицистов, дипломатов, военачальников, хозяйственников, все новыми и новыми процессами и все новыми и все более чудовищными обвинениями, предъявляемыми головке своего собственного аппарата.

Не мудрено, что есть немало редакторов и корреспондентов самой «солидной» буржуазной печати, которые жадно регистрируют и собственным свидетельством подтверждают «достоверность» той ужасной картины сплошного «пораженчества», вредительства и измены, которую так услужливо разворачивает перед взором всего мира сталинский прокурор, которую все с большим и большим сладострастием смакует и размалевывает сталинская печать.

Только эта печать, да разве еще бескорыстные, но черезчур наивные (а иногда, быть может, и наоборот: не наивные, но черезчур корыстные!) «друзья Советской России» могут не понять, на чью мельницу льется тут вода, могут не видеть, как собственными своими руками подготавливает сталинская диктатура ту выдачу Советского Союза на растерзание германо-японским хищникам, которую облыжно приписывает своим жертвам.

Но с тем большей тревогой и с тем большей серьезностью — но совсем в ином смысле, чем мир буржуазной реакции, — приняв весть о новом процессе и процессах, еще предстоящих, вес социалистический и пролетарский мир, как и все те, кто видит в «гитлеровщине» не только источник войны, но и угрозу всей человеческой цивилизации, и хочет сохранить Советский Союз для дела мира, свободы и прогресса.

Недостаток места заставляет нас ограничиться лишь немногими примерами, характеризующими отношение международного социализма к новому преступлению сталинской диктатуры.

Позиция Рабочего Социалистического Интернационала фиксирована в следующем письме председателя РСИ т. Де-Брукера и секретаря т. Адлера к т-щу Магделэн Паз от 21 января:

«Мы получили сегодня вашу телеграмму, в которой Вы от имени Комитета по московскому процессу настоятельно просите РСИ возобновить свой протест и послать делегацию на процесс Пятакова.

«Еще вчера, тотчас по ознакомлении с сообщением официального советского агентства «Тасс» о предстоящем в Москве новом большом процессе, мы обсудили вопрос о шагах, которые могла бы предпринять Комиссия для обследования положения политических заключенных. Но уже первые мероприятия в связи с процессом, который должен начаться 23 января, показывают, что в Москве очевидно решено и на этот раз действовать точно так же, как это было в августовском процессе против Зиновьева и др. Общественное мнение захвачено снова врасплох. Снова между предъявлением обвинения и началом процесса дается лишь пять дней, так что своевременная посылка наблюдателей в Москву становится технически невозможной, даже если бы советское правительство согласилось дать визу в чрезвычайно ускоренном по-

рядке. Снова все предварительное следствие проведено ГПУ в тайне, и снова гласное разбирательство перед трехчленной военной коллегией исключит возможность заглянуть в эту тайную процедуру. Но уже то, что известно сейчас из обвинительного акта по английской печати, подтверждает предположение, что обвинения против Радека, Сокольников, Пятакова и Серебрякова — о других 13 подсудимых мы ничего кроме имен не знаем — основаны на вымысле и составляют лишь новый этап в истребительной войне против всех старых большевиков.

Мы уже неоднократно со всею ясностью высказывали свое убеждение в обязательности соблюдения нормальных правил судопроизводства в московских политических процессах. Мы убеждены, что начинающийся ныне процесс нанесет новый тяжелый удар мировому престижу Советского Союза. Но мы, к сожалению, не верим, чтобы при существующем ослеплении повелителей Москвы можно было в данный момент рассчитывать на сколько-нибудь успешное вмешательство.

Добавим, что тот Комитет, от имени которого т. Паз обратилась к РСИ, постановил отправить в Москву четырех наблюдателей-юристов, в том числе нашего французского товарища, профессора Лионского университета Андре Филиппа. Это постановление осуществить не удалось, так как советское правительство категорически отказало визировать паспорта делегатов.

Постоянная Административная Комиссия французской социалистической партии (Ш. К.) приняла резолюцию, в которой требовала для подсудимых всех судебных гарантий и настаивала на не-применении смертной казни. Телеграмму одностороннего содержания отправил в Москву французские адвокаты-социалисты.

Что касается социалистической печати демократических стран, то без лишнего слов понятно, к какой сдержанности (особенно в оценке политического значения процесса) вынуждала ее та внешне-политическая обстановка, о которой мы говорили выше: она-то хорошо понимала, какие палки в колеса антифашистской политики «коллективной безопасности» бросает сталинская диктатура!

Парижский «Попюэр» отмечал ход процесса преимущественно краткими заметками, в которых подчеркивал нелепость и «странность» как выдвинутых обвинений, так и покаянных «признаний» подсудимых и надо все тупоумие или бесстыдство «Правды», чтобы уверять своих читателей (2-го февраля), якобы, «подчиняясь силе неопровержимых фактов», органу наших французских товарищей «пришлось на протяжении ряда дней ограничиться лишь краткими информационными сообщениями о процессе».

Статья товарища секретаря французской социалистической партии Северака («Попюэр», 26 февр.) ограничилась теми темами о судебных гарантиях и смертной казни, которые были затронуты в Резолюции Постоянной Административной Комиссии, и этим-же темами, по указанной выше причине, посвящены, главным образом, статьи социалистической ежедневной печати: время для подведения политических итогов наступает только теперь.

Бельгийский «Пэпль» (31 янв.) пишет:

«Говорить об этом процессе как об акте правосудия значило бы грубо злоупотреблять словами... Обвиняемый Троцкий в предательстве революции, диктатор Сталин испытывает как будто сам болезненную потребность ответить встречным обвинением, хотя бы при этом и были осуждены на гибель десятки старых соратников Ленина. Это — самая отталкивающая сторона процесса, вносящая окончательную смуту в умы миллионов рабочих всего мира, которые, не будучи коммунистами, хотели бы видеть в Советской России великую надежду для будущего».

Пражский «Социалдемократ» (26 янв.):

«Все больше и больше расширяется круг жертв Сталинской диктатуры. Но это только кажется, будто благодаря этому расширяется круг тех, кто поддерживает диктатуру. Немой народ, даже если молчание его прикрывается восторженными приветствиями, не может быть прочной массовой основой. Неужели-же в окружении Сталина нет уже ни одного знатока истории революций, который имел бы мужество сказать ему, что его путь опасен для Советской России, для социализма, и что каждый из тех выстрелов, под которыми падают жертвы показательных процессов, попадает в социализм?»

«Нэйер Форвертс», орган германской социалдемократии (24 января):

«Можно встать на циническую точку зрения, что в московских процессах речь идет вовсе не о праве, а о политике. Но и от этого дело лучше не становится, потому что политика, ведущая к таким процессам и осуществляющаяся в них, есть жалкая политика. Если верно, — а это верно, — что всякий удар, наносимый Советскому Союзу, есть выгода для Гитлера, то самыми деятельными пособниками Гитлера являются закулисные инсценировщики этих отвратительных процессов. В борьбе против Третьего Рейха как хотелось бы нам

видеть социалистическую Россию, победно шествующую вперед по пути права и человечности! А вместо этого из-за процессов против Зиновьевых и Каменевых, Радеков и Пятаковых высовывается звериный лик диктатуры, ничуть не лучшей, чем все другие диктатуры».

В таком-же духе откликнулась на процесс социалдемократическая печать и всех других стран. В ее откликах звучит величайшая тревога, которая еще усиливается изо дня в день приходящими из Советского Союза вестями о новых арестах и новых предстоящих расправах.

ЗАГРАНИЦЕЙ

В ЛАТВИИ.

Центральный комитет Латвийской Социалистической Рабоче-Крестьянской Партии, которая продолжает, в условиях нелегальности, дело латвийской социалдемократии и представителем которой в РСИ состоит ныне т. Ф. Целенс, бывший посланник Латвии во Франции, выработал платформу объединенного революционного Народного Фронта против фашизма в Латвии.

Обрисовав условия, созданные в Латвии диктатурой Ульманиса, платформа говорит:

Этот режим произвола, политического бесправия, хозяйственной коррупции и духовной отсталости должен быть свергнут.

В борьбе за завоевание политической власти рабочие, трудовые крестьяне, интеллигенция, городские средние классы и все другие латвийские антифашисты должны объединиться на следующих требованиях: а) Долой военное положение! б) Свобода печати. Амнистия для политических заключенных. в) Отмена цензуры и запрещения собраний. г) Свобода организации. Долой все назначенные правления и назначенные правительством уставы! д) Свобода стачек. Долой запрещение стачек! Свободные профсоюзы. Долой назначенные правления профсоюзов! е) Свобода совести. Долой преследования не принадлежащих ни к какому вероисповеданию! За свободную от церковной опеки школу. ж) Свободно избранное местное самоуправление. Долой назначенные городские и общинные советы! Свободные перевыборы городских и сельских муниципалитетов. з) Свободно избранное законодательное собрание, вооруженное правом назначения и смещения правительства и широкого контроля над ним. Свободно избранные народные судьи. и) Равноправие всех живущих в Латвии национальностей. к) Право на работу и хлеб для всех.

Строгие кары организаторам фашистского переворота. Уничтожение всяких возможностей нового собрания сил реакции.

Фашистская реакция может быть разбита только объединенными под руководством социалистического пролетариата рабочими, крестьянскими и мелкобуржуазными массами. Необходимо поэтому укрепить единство рабочего класса, прежде всего — в форме единого фронта.

Для обеспечения демократических прав народа необходимо также преобразование хозяйственной и социальной жизни Латвии, чтобы лишить фашистскую крупную буржуазию и крупное крестьянство тех господствующих позиций, которые служат опорой фашистской власти.

Ближайшие хозяйственные и социальные требования: а) Экспроприация крупных учреждений кредита, транспорта и страховых обществ. б) Преобразование всех существующих монополий в таком направлении, чтобы в их правлениях и в их политике интересы производителей сочетались с интересами потребителей. в) Национализация внешней торговли и важнейших отраслей промышленности. г) Национализация тех сельскохозяйственных промысловых предприятий, которые имеют форму кооперативов, но хозяйничают крупными государственными средствами и служат лишь интересам небольшой кучки крупных крестьян (молочные, машинные центры и т. п.). д) Содействие коммунальным и кооперативным предприятиям и планомерное развитие их. е) Выработка общегосударственного хозяйственного плана, организующего производство в соответствии с потреблением. ж) Более справедливое распределение налогов, стабилизация валюты, отмена расходов, не оправдываемых с народно-хозяйственной точки зрения. з) Обеспечение рынка и соответствующих латвийским условиям цен сельско-хозяйственным продуктам. и) Освобождение крестьянства от капиталистической эксплуатации посредниками и ростовщиками. к) Законодательное регулирование положения арендаторов и пользователей. л) Открытие новых рынков латвийскому народному хозяйству путем планомерного развития хозяйственных договоров с естественным хозяйственным гинтерландом Латвии-СССР. м) Конфискация и передача обществу имущества активных участни-

ков фашистского государственного переворота. и) Обеспечение стариков, дальнейшее развитие социального страхования. о) Введение 40-часовой рабочей недели без понижения заработка; ограничение рабочего времени в сельском хозяйстве.

Для ликвидации политической зависимости от иностранных фашистских держав, превращения Латвии в действительный фактор мира в Прибалтике и возможного обеспечения ее от агрессивности Гитлеровской Германии, пользующейся лакейством Ульманиса для подготовки порабощения латвийского народа, нужно бороться: а) за освобождение Латвии от внешне-политической зависимости от Гитлеровской Германии и б) за тесный пакт дружбы в Восточной Европе, который должен быть включен в обще-европейский пакт безопасности и который свяжет Латвию с государствами, отстаивающими мир и стремящимися предотвратить грозящую военную опасность, т. е. в первую очередь с СССР и французским Народным Фронтом.

Так как фашистские великие державы непрерывно готовят новый передел мира между империалистическими государствами; так как эта кампания их связана с агрессивной и подготавливающей войну внешней политикой Гитлеровской Германии; так как Германия открыто вооружается для завоевательного похода против Прибалтики и СССР, создавая таким образом военную угрозу для Европы и, особенно, Восточной Европы; и так как эта угроза легко может привести в самом близком будущем к новой мировой войне, в которую неизбежно будет втянута и Латвия; — то задачей латвийских рабочих и всех трудящихся на случай войны является: а) помешать подготавливаемому Ульманисовской кликой вступлению Латвии в анти-советскую коалицию; б) поддерживать все попытки международного рабочего класса превратить войну в революцию против фашизма; в) стремиться к тому, чтобы вовлеченный в войну и вооруженный латвийский народ скинул с себя ярмо своих фашистских угнетателей и совместно со всеми анти-фашистскими силами, в первую очередь с СССР, бросил свои силы против фашистской Германии и ее союзников.

Партия подчеркивает, что только победа международного пролетариата может обеспечить настоящий, длительный мир.

Не отказываясь от борьбы за осуществление своей социалистической программы, латвийская социалистическая рабоче-крестьянская партия полагает, что в ближайший исторический период развития Латвии настоящая платформа может служить основой для совместной работы широких трудящихся масс в борьбе за свержение фашизма и образование сильного рабоче-крестьянского правительства по образцу французского правительства Народного фронта.

**

После более чем 2 1/2-годового тюремного заключения тов. **Бруно Калнин** освобожден наконец из фашистского застенка. Мы шлем этому славному латвийскому социалисту наш горячий привет!

Но тюрьмы Ульманиса не пусты: нам сообщают о новых массовых арестах социалистов, имевших место за последнее время, и называют в числе арестованных, между прочим, и имя т. **Рудевница**, бывшего в течение многих лет председателем латвийской социалдемократии.

ИЗ ПАРТИИ

70-ЛЕТИЕ И. Л. ЮДИНА-АЙЗЕНШТАДА.

И. Л. Айзенштат родился и вырос в Вильне, где окончил классическую гимназию. Поступив студентом в Демидовский лицей в Ярославле, примкнул там к студенческим кружкам Народной Воли и стал в них играть активную роль. В 1887 г. его арестуют и после нескольких месяцев отсидки высылают на родину. Тут И. Л. переходит к марксизму и становится одним из первых в России социалдемократов. Организует кружки молодежи и еврейских рабочих, ведет в них пропагандистскую работу. В начале 90-х годов едет загра-

ницу, в Берлин, где знакомится с германской социалдемократией, участвует в организации транспорта нелегальной литературы в Россию и вместе с другими будущими бундовцами подготавливает издание еврейского с.-д. журнала «Еврейский Рабочий». Но уже через год И. Л. снова в России, где разезжает по городам, пропагандируя созыв социалдемократического рабочего съезда для основания рабочей партии. Но еще

Новые издания :

А. Н. Потресов. Посмертный сборник произведений. Вступительная статья Б. Николаевского: А. Н. Потресов. Опыт литературно-политической биографии. Париж, 1937.

Idée et Action N° 6. Revue mensuelle du mouvement socialiste et syndical international. Prix 2fr. 50. Paris.

до того, как его планы находят свое осуществление в основании РСДРП и Бунда, И. Л. снова попадает в лапы жандармов (в Одессе, в 1896 г.). После продолжительного заключения он получает ссылку на 5 лет, которую отбывает в Виллюйске, в Якутской области. По возвращении из ссылки в 1902 году И. Л. присоединяется к Бунду, становится членом ЦК и с тех пор непрерывно, за исключением периодов тюремного заключения и ссылки, стоит в первых рядах Бунда, а затем и РСДРП. — Он участвует почти на всех съездах и конференциях партии, состоит в редакции органов Бунда, занимается организацией транспорта и техники. В 1912 г. И. Л. вновь подвергается ссылке (в Черный Яр, Астраханской губ.), где его застаёт мировая война. Революция 1917 г. освобождает его отсюда, и И. Л. снова возвращается к партийной работе (в Минске и в Гомеле, в ЦК Бунда). При расколе Бунда весной 1920 г. И. Л. идет вместе с социалдемократическим меньшинством Бунда. В 1921 г. подвергается вместе с другими вождями Бунда и РСДРП, аресту и после голодовки выпускается на волю с высылкой за границу. С 1922 г. И. Л. живет в эмиграции, сначала в Берлине, затем в Париже активно участвуя в работе Загр. Делегации, заведующая администрацией Соц. Вестника и состоя председателем парижского с.-д. клуба имени Мартова.

ЧЕСТВОВАНИЕ 70-ЛЕТИЯ ТОВ. ЮДИНА.

7-го февраля в помещении Арбейтер-Ринга парижский Клуб имени Мартова и Загр. Делегация РСДРП в тесном товарищеском кругу отпраздновали юбилей старейшего своего члена, И. Л. Юдина. — С речами и приветствиями выступили т. т. Ф. И. Дан (от З. Д.), Я. Пат (от ЦК польского Бунда), Р. Гинзберг (от Арб. Ринга), Поляков (от рабочего союза имени В. Медема), Арсенидзе (от грузинских тов.), Р. Абрамович (от русского Бунда), М. Кефали (от пар. клуба). Были оглашены приветствия и поздравительные телеграммы, в том числе от Генерального Секретариата Франц. Соц. Партии, от ЦК Бунда в Польше, от Варшавского и Виленского Комитета Бунда, от Юношеской организации Бунда «Цукунфт», от тт. Ноаха, Альтера, Эрлиха, Бермана, Анны Розенталь, Патти Кремер, Д. Далина и мн. других. Праздничество затянулось до поздней ночи и носило чрезвычайно сердечный характер.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Новая Россия, № 20, 21.

Пружделение № 86-77, Ноябрь-декабрь 1936 г.

А. Н. Потресов. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937.

P. Kerjantsev. Vie de Lénine. Traduit de russe par Jeanne Toscani. Paris, Editions Sociales Internationales. 276 pages. 20 fr.

Agnès Smedley. La Chine rouge en marche. Récits, traduits de l'anglais par Renaud de Jouvenel. Paris. Ed. Soc. Intern. 320 pages. 15 fr.

Université Populaire de la Jeunesse. Que sont, que veulent, que font les J. S.? 7, rue Meslay, Paris. Prix 0 fr. 75.

Idée et Action. N° 6. Janvier 1937.

Prométhée, N° 120, 121.

W. Alter. Antysemitizm na gospodarczy w swietle cyze. Warszawa, 1937.

Zukunft. N 1. New-York, 1937.

La Révolution Proletarienne, N° 239.

Der Kampf. Nr. 2, Februar 1937.

Que faire? Revue communiste. N° 26.

I. Byrdin. Rodina Rose Narod Lidstva. — Zna a Muz. Praha. 1936.

Delnická Osveta. XXIII-1937. N 1. Praha.

Bulletin of the International Institute for Social History. Amsterdam, 1937, Nr 1.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 26/1, 4/2.

Отослано: № № 2, 3 и 4.

